

Алексей В. Фомин
Можно ли быть хорошим и не спастись?

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7142911

Можно ли быть хорошим и не спастись? / Составитель Фомин А. В.: Новая мысль; Москва; 2013

ISBN 978-5-902716-23-5

Аннотация

Сегодня как никогда назрела острая необходимость в формулировке четких и ясных критериев, которые позволили бы отличить истинный путь к Богу от ложного. Христианам, которые ослеплены лживой пропагандой о «духовном единстве религий», можно порекомендовать познакомиться с этими религиями поближе. Возможно, в этом случае многие вопросы для них сами собой отпадут и они вспомнят слова Священного Писания о том, что вне Христа нет спасения (Деян. 4, 11). Лучше следовать этой истине, будучи учеником Христа, чем следовать моде на некритическую толерантность, которую христианам навязывает современное светское общество.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
«Зачем это все нужно, если все это кончается ничем?»	6
Почему некоторым трудно поверить в Бога?	8
Защита против совести	10
Почему мы православные?	12
Глава 2	14
Миф о «братстве религий»	14
Христианство истинно	17
Почему существует много религий?	18
Можно ли быть хорошим человеком без христианства?	19
Спаситель безнадежных, или можно ли быть хорошим и не спастись	21
О том, почему каждому образованному человеку необходимо узнать Православие	26
Есть ли разница, как верить во Христа?	31
Истина Православия	32
Чем отличается Православие от католичества?	35
Являются ли католики еретиками?	39
Скажите мне, кто ваши святые, и я скажу вам какова ваша Церковь	42
Одним ли путем идем?	47
Ересь протестантизма	51
Только верую?	55
О невозможности спасения иноверцев и еретиков	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Составитель Алексей Фомин

Можно ли быть хорошим и не спастись?

Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 13-303-0286

Почему некоторым трудно поверить в Бога?

Миф о «братстве религий»

Есть ли разница, как верить во Христа?

Знаки Промысла Божия в жизни человека

Можно ли «верить в душе» и спастись, не посещая храм?

Как относиться к последователям других религий?

© Фомин А. В. Составитель, 2011.

© ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ», 2011.

© Верстка, оформление, обложка – ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ»

Полное или частичное воспроизведение настоящего издания каким-либо способом, включая электронные, механические или магнитные носители, в т. ч. фотокопирование, допускается только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Все права авторов защищены.

Все права на издание и название защищены.

Переиздание возможно только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Интернет-сайт издательства «НОВАЯ МЫСЛЬ»

www.novm.ru

Предисловие

Испокон веков человек искал ответы на главные вопросы бытия: кто я, в чем цель моего существования, для чего существует мир, продолжаем ли мы существовать после смерти. Вопрос о цели, смысле жизни добавляет к повседневным человеческим испытаниям и страданиям дополнительное, глобальное – а для чего я страдаю вообще? Он не дает нам ощутить удовлетворение, даже когда какие-то из наших повседневных желаний временно исполняются. Человек, достигший желанной цели, довольно быстро начинает чувствовать снова отсутствие удовлетворения. Оглядываясь назад, он видит, как много времени провел в мучительных усилиях по достижению желаемого, но почти не наслаждался достигнутым.

На определенном уровне эволюции человека сознание начинает ставить перед собой более высокие духовные цели, чем, например, распознавание добра и зла, искать такой смысл жизни, который не уничтожался бы смертью...

«Сегодня как никогда назрела острая необходимость в формулировке четких и ясных критериев, которые позволили бы отличить истинный путь к Богу от ложного.

Христианам, которые ослеплены лживой пропагандой о «духовном единстве религий», можно порекомендовать познакомиться с этими религиями поближе. Возможно, в этом случае многие вопросы для них сами собой отпадут и они вспомнят слова Священного Писания о том, что вне Христа нет спасения (Деян. 4, 11). Лучше следовать этой истине, будучи учеником Христа, чем следовать моде на некритическую толерантность, которую христианам навязывает светское современное общество. Иисус учил: «Царство Мое не от мира сего...» (Ин. 18, 36). Если человек предпочитает Царству Христа мир сей, это его право, христианину же следует помнить слова Иисуса: «Я победил мир» (Ин. 16, 33) и отвергать всех проповедников идей, противных Священному Писанию и Священному Преданию Христианской Церкви (Гал. 1, 8)»¹.

«Наше время – это время невероятно быстрого взаимопроникновения культур и религий, и сейчас как никогда актуальны слова апостола: «...храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания» (1 Тим. 6, 20), ибо мы получили от Бога истинное знание, и Церковь будет обладать им вовек (2 Ин. 1, 2), потому что в ее Главе – Господе Иисусе Христе – «сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2, 3), потому что Он и есть Истина (Ин. 14, 6).

Обладая истинным и спасительным знанием о Боге, путях нашего спасения и настоящего благочестия, Православная Церковь, которая «есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15), не может и не имеет права искать иных знаний от языческих религий и сект, так как это будет удаление от Христовой истины, в которой мы стоим, поиском пустословия и ложных знаний.

Спасение наше, прежде всего, в правильной вере – «...праведный верую жив будет» (Гал. 3, 11), а потом в благочестивых делах. Потому как если христианин правильно верит (каков Бог, к какой праведности Он нас призывает, и каковы пути спасения), он правильно поступает и идет правильным путем спасения. Любое же искажение веры: ересь, суеверие, языческая и человеческая ложная мудрость приводят к тому, что человек начинает поступать по-иному и оказывается вне пути спасения, «потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 14)»².

¹ Питанов В. Ю.

² Максим Степаненко, руководитель Миссионерского отдела Томской епархии РПЦ. Миссионерско-апологетический проект «К Истине».

Глава 1

Спасется ли человек без парашюта?

«Зачем это все нужно, если все это кончается ничем?»

Профессор Андрей Зубов в лекциях «История религий», прочитанных в городе Екатеринбурге летом 2001 года говорит: «Я обрел веру лет двадцати пяти от роду после того, как я долго, в общем-то, искал ее. Я родился в семье нерелигиозной и, пожалуй, какую-то религиозность, впрочем, очень далекую от настоящего христианства, мне могла передать только моя няня, в некотором роде Арина Родионовна. Однако вера, религиозные ощущения были со мной, ну, буквально, с самого начала. Я помню, как я ребенком ужасался идее своей конечности, своей смертности так, что спать не мог по ночам. Мне было страшно оттого, что меня не будет. Как это может быть? Вот все это будет: мир будет, солнце будет, а меня не будет. Потом, где-то, когда мне было лет 8 или 9, я с некоторым ужасом переживал идею адских мук. Ну, опять же, через мою няню мне передано было это знание. А потом я получил от своей пожилой тетушки ее Новый Завет на русском языке, который ей подарили, когда она еще училась в Петербурге в одной из хороших гимназий до революции. Она его передала мне. Я его храню до сих пор. Тогда я начал его читать и (мне было тогда лет 12–14) мало что понял, хотя там все совершенно понятно, как теперь кажется, но текст был закрыт для меня. Но я выучил почему-то на русском языке на память молитву «Отче наш» и взял за правило ее читать вечером в кровати, не имея при этом никакой глубокой религиозной интенции. Я это делал какое-то время, и потом лет в 16, наверное, прекратил. Но я вот сейчас в глубине души чувствую, что это имело большое значение для моей жизни.

А потом прошло много самых разных событий, и когда мне было около 25 лет, одним прекрасным вечером... Я к тому времени был кандидатом наук, гуманитарием, специалистом по современной истории Востока. В то время я имел некоторый материальный достаток и жил по тогдашним советским условиям совсем неплохо, ни в чем не испытывал большой нужды и даже малой какой-то потребности. Жил хорошо. Я, в общем-то, так получилось, был рожден в достаточно привилегированной семье высшего московского чиновничества, поэтому во многом не испытывал недостатков. И вот в какой-то момент, имея жену, дочь, квартиру, кандидатскую диссертацию – все, в общем, что можно было и желать для жизни, я сбесился с жиру, т. е. я вдруг понял, что все это абсолютно не нужно, что это все ничто. **Зачем это все нужно, если все это кончается ничем?** Более того, я по-настоящему увлекся наукой и с удовольствием работал, как научный исследователь (мне было страшно интересно работать, я писал тогда вторую свою книгу). И вдруг я ясно понял, что в книге (не по цензурным соображениям, хотя и по ним тоже, но самое главное потому, что вообще очень много в душе есть невыразимого) я выражу себя процентов на 5–10, а все остальное я не скажу ни жене, ни другу, ни в книге – никому, как и каждый, наверное, из вас. Это все умрет вместе со мной и уйдет в небытие. Так зачем все это? И потом, я также понял, что есть некоторое нравственное измерение жизни, что безнравственная жизнь – это плохо, но почему плохо? Если и праведник, и грешник, если нравственный и безнравственный равно уходят в пустоту, в небытие, то не все ли равно, как жить? Вот эти три мысли в какой-то момент меня озарили, и хотя это мысли элементарные, они заставили меня чисто умозрительно, чисто философски понять, что если нет цели жизни, вынесенной за пределы этой жизни, то тогда у жизни вообще нет цели. Кроме того, я понял одну простую вещь. Ненадолго отвлечемся, Я поясню это примером. Каждый, наверное, из нас живет совокупностью частных целей: скажем, сегодня мы

ставим себе задачу пойти в кино, мы ставим задачу написать книгу, мы ставим задачу разбогатеть, мы ставим задачу скопить денег и поехать на юг отдохнуть и тысячу других задач, больших и маленьких. Но если все эти задачи реализуются только после того, как подготовка к ним исполнена, то когда реализуется вся жизнь?

Получается, что совокупность частных задач ведет в никуда. Такого быть просто не может. И я ясно тогда понял, что должна быть некая абсолютная цель, вынесенная за пределы этой жизни, цель, для которой вся эта жизнь является подготовкой, так же как накопление денег является подготовкой для поездки на юг летом. А коль так, то у этой цели нашей жизни должен быть какой-то оценочный смысл – почему? Ну, если все здесь плохое или хорошее кончается смертью, то должно быть нечто такое, где хорошее и плохое, наконец, себя как бы реализует, себя проявляет, следовательно, есть нечто реализующее между добром и злом, и, следовательно, есть то, что люди называют Богом».

Зубов А.Б., доктор исторических наук, профессор МГИМО и Православного университета им. апостола Иоанна Богослова

Лекции по истории религий, прочитанные в Екатеринбурге проф. А.Б. Зубовым. М.: Никея, 2009.

Почему некоторым трудно поверить в Бога?

Стремление человека к Богу – это естественный процесс. Как черепаха, вылупившаяся из яйца под действием неведомых сил стремится к воде, так и человек, появившись на свет, начинает свой путь к Богу. Нет людей, не стремящихся к Богу. Не важно, делает ли это человек осознанно или нет, это стремление заложено в каждом из нас от рождения. Подтвердить это может тот факт, что спрашивая любого человека и себя, в том числе, об отношении к вере и к Богу вы получите вполне аргументированный, продуманный ответ о том, почему человек верит в Бога или не приемлет Его. Это говорит о том, что каждый человек в той или иной степени задумывался об этом и пришел к определенным выводам. Задайте человеку вопрос, например, о структуре вселенной и вы, скорее всего, получите нейтральный ответ – не знаю, может быть, хотя оба эти вопроса и вопрос существования Бога и структура вселенной в равной степени являются глобальными и лежат, по крайней мере, в данное время, за пределами возможностей физического или научного познания и трактуются, с этой точки зрения, только на уровне гипотез. Оба эти вопроса могут рассматриваться только в области веры и интуиции, однако, ответ на первый вопрос имеет каждый человек и обсуждение этого вопроса вызывает бурю эмоций, в то время, как второй вопрос абсолютно нейтрален и, если кто либо и сообщит вам о новой теории вселенной вы это воспримите всего лишь, как одну из теорий. Почему это происходит? Почему два вопроса лежащих в области веры настолько по-разному отзываются в нас? Почему человек не приемлет Веру в Бога, но вполне допускает веру в квантовую теорию и теорию большого взрыва? Как правило, мы не задаем себе этих вопросов, хотя они очевидны и лежат на поверхности. Если мы задумаемся над этим вопросом еще глубже, мы увидим, что все наши знания на самом деле на 99 % представляют из себя веру во что-то – в то, что структура атома такова, как мы ее изучали в школе, что мы поедем этим летом в отпуск, что свет обладает волновой природой, что нам повысят зарплату, что постоянная Планка равна $6,62610^{-34}$ Джс, и т. д. Во всех этих вещах мы не можем быть уверены, что так и есть или будет на самом деле, однако мы верим себе, учителям, ученым, что их теории верны и рассчитаны правильно. Вся наша жизнь состоит из веры во что-то и, зачастую, человек не приемлет только веру в Бога, мотивируя это тем, что существование Бога недоказуемо, а вера в недоказуемое является глупостью. Почему тогда мы все же принимаем на веру так много, но не можем смириться с верой в Бога? Почему такая масса противоречий? Почему мы доверяем ученым, которые говорят нам о структуре вселенной и не доверяем, например, мудрости людей познавших Бога, людей которые посвятили этому вопросу всю свою жизнь и нашли на него ответ, людям, которые в наибольшей степени достойны доверия? Может быть потому, что глубоко задумавшись, не на поверхности, а опустившись в глубины своего сознания, мы ощущаем то, что там в глубине нас самих есть какая-то тайна, есть что-то постоянное, вечное, часть, которая знает Бога. Задумывались ли мы о том, что, если быть честными перед самим собой, то как раз существование Бога не лежит в области веры, а лежит в области нашего внутреннего знания. Эта теория уже обдумана и доказана каждым перед самим собой в значительно большей степени, чем теория строения атома или корпускулярная теория света. Если этот вопрос нами уже решен, то что же тогда такое спор о вере в существование Бога? Не является ли он спором не о Боге, а спором со своей собственной совестью? И именно этот факт объясняет столь эмоциональную реакцию при обсуждении этого вопроса потому, что затрагивает нас изнутри, он затрагивает нашу сокровенную часть, наше внутреннее «Я» и отзывается той или иной эмоциональной реакцией. Разве суть этой реакции в факте существования или не существования Бога? Вызовет ли в нас такую же реакцию утверждение, что свет не обладает корпускулярной природой? Очевидно, что нет. В чем же причина? Не в том ли, что хотим мы, чтобы

Бог существовал или нет, выгодно ли это нам, не опасно ли это для нас? Не потому, ли мы так горячо говорим о спорности высшей справедливости Бога, что не можем принять справедливость всего происходящего с нами? Не в этом ли суть вопроса о существовании Бога? Подумайте, задайте себе еще и еще раз этот вопрос, ощутите, свое приятие или неприятие Бога, докопайтесь до сути и найдите то почему Вам не выгодно существование Бога. Ищите не веру – она у Вас уже есть, а причину неверия. Обретя Веру вы получите огромное облегчение, ведь так сложно от самого себя скрывать то, что вы уже знаете – это требует невероятных усилий.

Вера это особого рода знание, которое дано каждому человеку, это знание уже у нас есть, а весь вопрос веры сводится к тому, чтобы скрыть от себя это знание и перевести его в область веры потому, что знание Бога для нас опасно, оно разрушает наше эго, подрывает его корни и приводит к смерти, к смерти эго. «... Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рождённое от плоти есть плоть, а рождённое от Духа есть дух». Не спорьте ни с кем о Боге – спорьте с собой, со своим эго. Посмотрите на этот вопрос честно и ищите причину неверия в себе, причину, почему Вы скрываете от себя существование Бога. Не поддавайтесь на обман эго, которое если даже под напором аргументов примет факт существования Бога, однако обманет и напугает в другом – в жестокости Бога и неотвратимости наказания, в суде по букве закона. Исаак Сирий пишет: «... те кто исполняет букву закона судят по делам и расстраиваются, когда совершают ошибку даже в малом, а те, кто принял Бога, даже если поступают неправильно, радуются потому, что приняли Бога в душе». Бог есть любовь, а любовь не может наказывать. Это эго предостерегает нас от знания Бога, от полноты знания Бога, т. к. Бог есть смерть эго.

В действительности же Бог всегда с нами. Все, что нам нужно – это не скрывать Бога от самого себя.

Стрижов Н. © Memoriam.ru

Защита против совести

Я думаю, что атеизм как «опытное знание» – недоразумение. Идеологический атеизм, скажем, философия атеизма может просто соответствовать тому воспитанию, которое вы получили, но когда человек говорит: «Я о Боге ничего не знаю, и поэтому Его не может быть», – это очень примитивный подход. Я могу быть слепым или глухим, ничего не знать о музыке или о видимом мире, но это не доказывает, что его нет. Это может быть осложнено тем, что люди злой воли или сами ослепленные (бывают и другие причины: я вам дам один пример очень любопытный) закрывают другим путь к вере, просто стараясь как бы умертвить способность верить, сводя веру к какому-то религиозному положению, тогда как вера должна охватывать гораздо большую область.

Но иногда человек делается неверующим потому, что это его единственная защита против совести. Мне сейчас вспомнился рассказ одного умного, тонкого, образованного священника в Париже. Когда-то он был «безбожником», то есть он без Бога жил и считал себя слишком культурным и развитым, чтобы даже думать о том, чтобы быть верующим. Он разговаривал с одним священником. Сельский священник без всякого особенного образования, который попал из России в эмиграцию, его долго слушал и сказал ему две вещи: «Во-первых, Саша, не так уж важно, что ты в Бога не веришь – Ему от этого ничего, а замечательно, что Бог в тебя верит». И второе: «А ты, Саша, пойдика домой и подумай, в какой момент и почему ты веру потерял, в какой момент тебе оказалось нужным, чтобы Бога не было».

Саша вернулся домой и стал думать; он был озадачен такой постановкой вопроса, таким подходом: он ожидал миссионерской речи или указания читать какие-то трактаты, а вместо этого – пойдика и разберись. И он, как сам рассказывал потом, искал причины сначала в своем образовании в Богословском институте в Париже, потом в университете в России до революции, потом еще где-то, все никак не мог найти, и добрался до шестилетнего возраста. Он жил в одном из городов России, был милый мальчик, ходил в церковь каждое воскресенье и считался очень благочестивым мальчонкой: приходил, крестился, становился посреди церкви впереди и молился Богу. Каждое воскресенье ему давали одну копейку, которую он должен был положить в шапку нищего слепого; он ее клал и шел в церковь с чувством, что совершил доброе дело, оказал любовь, внимание – и теперь может пойти к Богу с чистой совестью. Как-то перед Рождеством, гуляя с матерью по городу, он набрел на магазин, где была чудная деревянная лошадь, стоявшая шесть копеек. Он попросил мать ее купить, та отказала; он вернулся очень огорченный. А в следующее воскресенье, когда он шел в церковь и дошел до нищего, он подумал, что если шесть раз не дать этой копейки, он сможет купить лошадь, – и копейки не дал. Так он поступил четыре раза, а на пятый подумал: а если взять у него одну копейку, то я на две недели раньше смогу купить эту лошадь. И он у слепого украл копейку. После этого он вошел в храм и почувствовал, что не может стоять впереди: вдруг Бог его заметит, – и ушел в какой-то угол. Няня вернулась с ним домой и рассказала родителям, которые пришли в восхищение: до сих пор он был маленький, он становился перед Богом; а теперь он вошел внутрь себя, его жизнь в Боге делается более потаенной, он ищет укромного места, где он мог бы молча и созерцательно пребывать перед Богом (оптимистическая мамаша была!). А Саша чувствовал, что дело очень плохо и что надо от Бога скрываться. И вдруг вернулся из университета его старший брат, который там нахватался безбожного учения, и ему стал доказывать, что Бога нет. И Саша мне говорил: я за это ухватился. Если Бога нет, то совершенно неважно, что я украл эту копейку и не положил пяти. И с этого началось в нем «безбожие»: учение о том, что Бога нет, он воспринял как единственное спасение против укоров своей совести.

Так что когда человек говорит: «Я неверующий», – или говорит: «Бога нет!», – не всегда надо подходить с философской точки зрения, иногда можно поставить вопрос: Откуда это идет? Не всегда можно поставить его так, как поставил Саше отец Василий, но если вы действительно хотите что-то для этого человека сделать, вы должны себе ставить вопрос за вопросом, чтобы понять; не поняв ничего, вы будете бить мимо всякой мишени.

В каком-то смысле безбожие – это научное недоразумение, это отказ от исследования всей реальности, это так же ненаучно, как сказать: для меня музыка не существует, и поэтому ее нет... Нельзя так ставить вопрос неверующему, потому что, конечно, существует слишком богатый материал, чтобы отбиваться. Но в сущности, безбожие – это нежелание принять свидетельство хотя бы истории, хотя бы отдельных людей, которые говорят: «Я знаю...»

митрополит Антоний Сурожский. Человек перед Богом. 2001

Почему мы православные?

В настоящее время мы находимся в таком положении, что уже никакими стенами и никоим образом не можем отделить себя от мира беспредельного религиозного плюрализма. Человек оказался перед лицом такого множества религиозных направлений, каждое из которых предлагает нам свои идеалы, свои нормы жизни, свои воззрения, что предыдущее поколение, пожалуй, не позавидует нам. Чуть-чуть раньше было проще. Основная проблема, перед которой стоял ищущий человек, была вполне ясна – религия и атеизм. Сейчас же, если хотите, появилось нечто гораздо более сложное и худшее. Теперь человеку, прежде чем придти к Православию, уже нужно пройти три и не простые ступени.

Первая из них уже знакомая – есть Бог или нет Его? Но если человек убедился, что Бог есть, то перед ним открывается проблема куда более трудная. Религий-то много, а какая из них истинная, кем ему стать: христианином, а почему бы не мусульманином, а почему не буддистом, почему не кришнаитом? Я не хочу перечислять далее, сейчас много религий и псевдорелигий, сект и синкретических образований и вы их лучше меня знаете. Одним словом, человек оказывается перед непрерывным вопросом: почему, почему, почему? Такова вторая ступень.

Но и пройдя сквозь дебри этого многорелигиозного древа, и убедившись в истинности христианства, человек оказывается перед лицом несколько не менее сложной задачи: а что можно назвать христианством? Ведь оно столь многолико. Кем быть: православным, католиком, протестантом (лютеранином, пятидесятником, баптистом...)? Таким образом, и на третьей ступени далеко не всё просто.

Дальше скажу по секрету, точнее, назову, но не расскажу, поскольку это требует отдельного разговора, что есть и четвертая ступень, требующая особой духовной ревности, постоянного и внимательного изучения Священного Писания и творений святых отцов-подвижников, усилий в борьбе со своими страстями и страстишками, – ступень самая трудная, почему я сразу и не назвал ее. Она состоит в познании того, что есть Православие и что означает быть православным? Вопрос этот приобретает в настоящее время всё более насущный и острый характер.

Вот перед какой ситуацией оказался современный человек. При этом представители новых и старых религий, неправославных конфессий, как правило, имеют значительно большие возможности пропаганды своих идей в средствах массовой информации, чем мы, православные.

Теперь давайте пройдем по этой анфиладе комнат, которая открывается перед каждым ищущим истину, и посмотрим хотя бы в самых общих, но принципиальных чертах, почему все-таки человек должен – не может, а действительно должен на разумных основаниях стать не просто верующим в то, что есть Бог, не просто вообще религиозным и не просто христианином, но христианином православным.

Итак, первая ступень: «Религия и атеизм». Приходится встречаться на конференциях с людьми действительно образованными, учеными, не верхоглядами, и постоянно сталкиваться с одними и теми же вопросами: Есть ли Бог? Кто Он такой? Или, если Бог есть, то почему Он не выступит с трибуны Объединенных Наций и не объявит о Себе? Даже: зачем Он нужен? И такое можно услышать. Что сказать на это?

Нет сомнений, что основным вопросом для человека, независимо от того, осознает он его или ощущает и переживает подсознательно, является вопрос о смысле жизни. И уверен, что каждый человек и все люди ответят на него совершенно однозначно: смысл, конечно же, в жизни. И не просто в жизни, но в осознанной, наполненной положительными чувствами удовлетворения, радости, любви и проч. А как же иначе? Еще никто никогда не мог и во

веки веков не будет считать и утверждать, что конечный смысл жизни человека может быть в вечном сне, в смерти.

Здесь и лежит непроходимый водораздел между религией и атеизмом. Христианство утверждает, что эта земная жизнь является только началом, условием и средством подготовки к вечности, поэтому готовься, человек, ибо тебя ожидает вечная жизнь. При этом христианство предлагает и всё то, что необходимо для достойного в нее вхождения. А что утверждает атеизм? Верь, человек, что нет вечности, нет Бога, нет души. Человеческая личность так же смертна, как и тело. Поэтому тебя и, в конечном счете, всё человечество ожидает вечная смерть. Какой ужас, какой пессимизм, какое отчаяние! Мороз по коже от этих страшных слов: «человек, тебя ожидает вечная смерть»! (Я уже не говорю о тех, скажу мягко, странных аргументах, которые приводит атеистическая вера в небытие Бога.) Одно это утверждение заставляет содрогнуться человеческую душу. – Нет, избавьте меня от такой веры.

Когда человек заблудится в лесу, ищет путь домой и вдруг, найдя кого-то, спрашивает: «Есть ли отсюда выход?» А тот ему отвечает: «Нет и не ищи, устраивайся здесь, как можешь», – то удовлетворит ли его такой ответ? Сомнительно. Не начнет ли искать далее? И найдя другого человека, который скажет ему: «Да, выход есть, и я тебе укажу признаки, по которым ты сможешь отсюда выйти», – то не ему ли он поверит? То же самое происходит и в области мировоззренческих исканий, когда человек оказывается перед лицом религии и атеизма. Пока у человека еще сохраняется искра искания истины, смысла жизни, он психологически не может принять концепции, утверждающей, что его как личность, а, следовательно, и всех людей ожидает вечная смерть. Каков смысл тогда нравственности, идеалов добра, жертвенности, любви к человеку, если завтра умрем?

Не менее убийственным для атеизма является вопрос: «Что я должен сделать, чтобы убедиться, что Бога нет?» – Стать ученым? Но сколько угодно верующих ученых. – Философом? Но среди них также множество верующих в Бога». (Остается одно – пойти на дискотеку, где концерт тяжелого рока – там точно Бога нет.) Но без ответа на этот вопрос атеизм оказывается не более, как слепой верой. Хотя ответ очевиден: есть только один путь, позволяющий убедиться в бытии или небытии Бога – это стать на путь религиозной жизни. Иного способа просто не существует.

Я отметил сейчас только одну сторону, психологически очень существенную, которой, как мне кажется, уже достаточно для каждого человека с живой душой, чтобы понять, что только то мировоззрение, которое принимает за свою основу Того, Кого мы называем Богом, позволяет говорить о смысле жизни.

Итак, я верю в Бога. Будем считать, что первую комнату мы прошли.

Теперь я вхожу во вторую... Но, Боже мой, что я здесь вижу и слышу? Народу полно, и каждый кричит: «Только у меня истина». И христиане, и мусульмане, и конфуциане, и буддисты, и иудеи и кого только нет. Вот и стоит он, верующий в Бога, посреди всех этих верующих, и ищет, кто же здесь прав-то, кому же верить? Вот задача...

Профессор Московской духовной академии А.И. Осипов. Лекция по основному богословию, прочитанная в Сретенском училище 13.09.2000.

Глава 2

Почему Православие есть истинная вера

Миф о «братстве религий»

В современном обществе очень популярна следующая идея: каждая религия открывает лишь часть истины, все религии в чем-то верны и все ведут к Одному и Тому же Богу, Который разным народам в разное время открывался по-разному. Попытаемся поразмышлять над этими утверждениями.

В основе религий лежат откровения. Православное богословие выделяет три вида откровений. Общее Откровение, которое дается через особых, Богом избранных людей – пророков и апостолов. Это Откровение выражено Православной Церковью в Священном Писании и Священном Предании. Индивидуальное откровение, которое дается лично человеку с целью его назидания. Естественное откровение, т. е. те представления о Боге, человеке и бытии в целом, к которым можно прийти на основании изучения самого себя и окружающего мира. Многие исследователи религий отмечают сходство разных религий. Действительно, естественное и индивидуальное откровение доступно каждому.

Любая нехристианская религиозная система – это ошибочная система, содержащая некоторые истины. Попытаемся обосновать данную позицию.

В чем уникальность христианства? В Личности Иисуса Христа. Все другие мировые религии – это, по своей сути, попытки человека своими силами взойти на небо. Кем были основатели остальных мировых религий? Людями, достигшими некоего духовного развития. Христианство – это единственная в мире религия, основанная Самим Богом. Проблема других религий заключается в том, что тайна Боговоплощения Иисуса Христа ими не осознана. Для мусульман Иисус Христос – пророк, для последователей New Age (Нью Эйдж) – человек, ставший Христом, для буддистов – бодхисаттва, но истинного представления об Иисусе Христе ни одна религия, кроме самого христианства, так и не познала. Во Христе человек воссоединился с Богом, этот факт уникален и ни в одной мировой религии не повторен. Рационального объяснения события Боговоплощения не существует, это вопрос веры. Но не затронуть эту тему в рамках рассматриваемого нами вопроса было бы нельзя. Теперь перейдем к дальнейшему сравнению христианства с другими религиями.

Прежде всего, в отличие от большинства мировых религиозных систем, и уж тем более от сект, христианство исторично, а не мифологично. В литературе первого и второго веков существует немало независимых исторических свидетельств о Христе и жизни первых христиан.

Христианство провозглашает самые высокие нравственные эталоны жизни, с которыми не может сравниться ни одна мировая религия. Именно христианство провозгласило, что «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 16). Любить же может только личность: Бог христиан Личен. В христианстве нравственные законы абсолютны, в отличие от всех пантеистических систем, где добро и зло одинаково иллюзорны. Но если не существует четкого разграничения добра и зла, то само понятие нравственности отменяется, оно просто исчезает. Индуизм и все оккультные течения и секты, основанные на пантеизме, по своей сути аморальны, что следует из их учения, при условии его непредвзятого исследования. Именно христианство провозгласило принцип свободы личности, которым так гордится Запад: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему» (Быт. 1, 26). Мы уважаем свободу личности, потому что это дар Бога, язычество же, основанное на пантеизме, уни-

чтожает свободу, ведь система пантеизма гласит, что Бог растворен в каждом, личность – это ограничение, «маска», скрывающая Бога. Это значит, что надо уничтожить личность, а значит, и свободу личности. Именно христианство заложило идею свободы от рабства, с которым языческое мировоззрение спокойно мирилось, считая его естественным. Христианство провозгласило ценность каждого человека и основным законом выдвинуло милосердие: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7). Современное общество так гордится своими социальными достижениями, благотворительностью, но ведь они уходят своими корнями в христианское вероучение о любви к ближним. Если, например, следовать закону кармы, который многие наши сограждане считают прогрессивным по сравнению с «отсталым и архаичным» христианством, то из него следуют вывод о том, что все страдания являются следствием прошлых деяний человека, поэтому, помогая человеку, мы тем самым усугубляем его карму. Таким образом, с точки зрения учения о законе кармы, милосерднее было бы не спасать человека от страданий, а позволить ему мучиться, чтобы он быстрее «изжил» свою неблагоприятную карму.

Сторонники идеи существования «многих путей», ведущих к Богу, могут сказать, что полнотой истины не обладает ни одна религия. С этим утверждением можно было бы частично согласиться, но даже если мы не можем признать, что знаем о Боге абсолютно все, мы не можем сказать, что мы вообще не знаем о Нем ничего, соответствующего истине. А если это так, то на основании имеющихся знаний мы можем делать уже некоторые заключения об истинности других религий.

В логике есть закон исключенного третьего, суть которого сводится к тому, что два взаимоисключающих утверждения не могут быть одновременно истинными. Быть одновременно истинными эти два утверждения не могут. Сравним представление христиан о личном Боге с пантеистичной безличностной концепцией бога. Безличная сила, в которой нет внутренних различий, не способна проявлять личностные качества, например, любовь, знание, сочувствие, разум, в то время как Личный Бог всем этим обладает. Отношение людей к Богу-Личности и к безличному богу принципиально отличаются, потому что в любых взаимоотношениях огромную роль играет нравственная сфера человека. Она же в этих концепциях не просто различна, но диаметрально противоположна. Как видим, эти две концепции никак не могут дополнить друг друга, они взаимно друг друга исключают.

За отстаивание христианами факта своей уникальности их постоянно обвиняют в нетерпимости к другим религиям. Но так ли это? К чему христианин должен быть терпим, а к чему нет? Терпимость можно считать приемлемой, если под ней понимается признание за каждым человеком права верить в то, что он считает истиной. Есть «социальная» терпимость, т. е. признание того, что ко всем людям нужно относиться с уважением, независимо от их религиозных убеждений. И есть «некритическая» терпимость, т. е. мнение, что никакие религиозные воззрения нельзя назвать ложными или менее значимыми, чем другие религиозные убеждения. Фактически «некритическая» терпимость означает запрет любой критики других учений. Вне всяких сомнений, христиане должны проявлять «законную» и «социальную» терпимость, но «некритическая» терпимость ставит под вопрос сам факт существования истины как таковой. Если такую терпимость сделать нормой, то почему бы и сатанизм с человеческими жертвоприношениями не объявить вне критики?

Христианам часто говорят, что Христос призывал не судить никого вокруг (Мф. 7, 1–15), но забывают добавить, что Он добавлял: «Не судите по наружности, но судите судом праведным» (Ин. 7, 24). Последователям «некритичной» веротерпимости следует напомнить, что главный вопрос заключается не в терпимости или отсутствии таковой у кого-либо, а в истинности исповедуемого мировоззрения, на основании которого строится вся жизнь человека, которое определяет его посмертную участь. Христиан любят обвинять в узости мышления, но это довод не рациональный, а скорее эмоциональный: если говорить правду

является проявлением «узости мышления», то лучше «узко мыслить» таким образом, чем говорить ложь.

Утверждается, что есть учения, которые полностью примиряют религии между собой, которые нашли «золотой ключик», с помощью которого можно навсегда закрыть проблему межрелигиозного различия. Но это не более чем миф. На практике все выглядит совершенно иначе. Все подобные учения декларируют свою толерантность только на словах, в реальности они предлагают христианам полностью отказаться от своих догматов и последовать за ними. Например, ученик Рамакришны Свами Вивекананда пишет: «К настоящему времени Веды остаются вершинным достижением всего человеческого опыта, умозрений, анализа, воплощенным в книгах, отобранных и отшлифованных столетиями»³. О христианах же он пишет так: «Незначительные умы, с ограниченным, нетребовательным кругозором, никогда не осмеливаются парить мыслью». В основном, все, кто заявляют о своей терпимости к другим религиям, просто лгут.

Питанов В.Ю., научный сотрудник Православного института религиоведения и церковных искусств

³ Свами Вивекананда. Практическая веданта. М.: Ладомир. 1993. С. 368.

Христианство истинно

Какая же из религий истинна? Наверное, та, которая может доказать свое Божественное происхождение. Ибо по определению Бог есть истина. Для этого религия должна представить объективные доказательства, свидетельствующие о том, что ее учение ни откуда не заимствовано, не было создано на основе каких-либо религиозных и философских систем. Так вот, христианство (и только оно) отвечает этим требованиям. Если вам придётся вести разговоры с представителями других религий на эту тему, то вы спросите: «Какие у вас есть аргументы, подтверждающие истинность вашей религии?» Вы даже не представляете, насколько безответен для них этот вопрос.

Христианство же имеет целый ряд объективных, я подчёркиваю, объективных аргументов, свидетельствующих о нём как о религии, имеющей своим источником именно Бога. Такое утверждение может показаться очень сильным, и потому оно требует для своего должного раскрытия специального времени. Кто заинтересуется данным вопросом, может познакомиться с ним на моем сайте, где есть лекции и на эту тему. Сейчас же лишь представлю эти аргументы.

Исторический. Он наглядно показывает, что в условиях жесточайших гонений на христиан в течение почти трех столетий со стороны иудеев и Римского государства, христианство без особой Божественной помощи не смогло бы выжить.

Духовно-нравственный – говорит о совершенно новом, «антирелигиозном» понимании спасения человека – первым в рай вошел разбойник.

Вероучительный – анализирует все основные истины христианства (о Боге Любви, Боге Троице, Логосе, Боговоплощении, распятом Спасителе, Воскресении Христа, спасении, таинствах, эсхатологии) в сопоставлении с учением предшествовавших религий и философских систем. Этот анализ показывает, что все специфически христианские истины веры являются принципиально новыми в духовной истории человечества. Даже Ф. Энгельс вынужден был констатировать, что христианство «встало в резкое противоречие по отношению ко всем существовавшим до нее религиям». Но если так, то откуда же оно возникло? Тем более, если учесть, что ни Иисус Христос, ни Его апостолы, в основном простые рыбаки, не были людьми образованными и не могли ни заимствовать извне столь высокие идеи, ни тем более создать такую принципиально новую религию силою своего ума. Поэтому остается только одно – признать Божественность Христа и, следовательно, истинность Его религии.

Проф. Московской Духовной Академии А.И. Осипов

Почему существует много религий?

Мы знаем, что только истинная религия – христианство была создана Самим Богом. Кем были созданы другие религии – обычными людьми, жаждавшими славы и власти, или сатаной, желавшим любыми путями увести людей от истинной веры Христовой? Почему Господь позволил некоторым из них так распространиться, что они считаются «мировыми религиями» наряду с христианством?

Религия есть союз человека с Богом. Этот союз предполагает не только устремленность человека к своему Творцу, но и живое, реальное воздействие Бога на личность человека. Этого нет там, где нет истинного познания Бога, т. е. в религиях, которые принято называть естественными, потому что происхождение их связано с проявлением естественных человеческих сил (разума, воли и чувств). Все они являются выражением субъективного стремления человека к Богу, которое не привело к подлинному Богообщению (в смысле союза человека с Богом). Возникает подмена: сверхъестественные воздействия на человека демонических сил принимаются за Божественную благодать. Это хорошо наблюдается в различных видах восточного оккультизма и в харизматических сектах.

Первая неистинная массовая религия в истории человечества – язычество. Грехопадение повредило человеческую природу. Своим пренебрежением Божественной заповеди человек отделился от Источника Жизни. Оставшись после падения при своих естественных, и притом испорченных, силах, люди неизбежно стали создавать искаженные образы сверхъестественного. Подлинно суетны по природе все люди, у которых не было ведения о Боге, которые из видимых совершенств не могли познать Сущего и, взирая на дела, не познали Виновника, а почитали за богов, правящих миром, или огонь, или ветер, или движущийся воздух, или звездный круг, или бурную воду, или небесные светила (Прем. Сол. 13, 1–2).

Почему Господь позволил некоторым из религий так распространиться? Потому, что Бог дал человеку свободу воли и не отнимает ее, если даже человек заблуждается. Ведь и атеизм и неверие тоже распространились в мире и составляют как бы мировую псевдорелигию, основанную на вере в абсолютность материи. Почему? Потому что человек свободен, и насильственно заставить его верить и спастись невозможно.

Иеромонах Иов (Гумеров). Православие. ru

Можно ли быть хорошим человеком без христианства?

«Разве нельзя быть хорошим человеком и без христианства?» – нередко спрашивают люди. Об этом меня попросили написать, и я пишу, но начну я немного издалека. Вопрос поставлен так, словно вы думаете: «Мне все равно, кто прав, христиане или материалисты. Мне все равно, каково мироздание. Я хочу правильно и счастливо жить и выберу не то, что верно, а то, что полезно».

Честно говоря, мне такой взгляд понять трудно. Человек, среди прочего, тем и отличается от животных, что ему хочется знать, какова действительность, не ради пользы, а просто так, ради знания. Когда же ему этого не хочется, он, по-своему, ниже человека. В сущности, я и не верю, что у кого-нибудь из вас нет этого желания. Наверное, вы слишком часто слышали от глупых проповедников, что христианство все у вас уладит, и забыли, что оно – не патентованные таблетки. Христианское вероучение сообщает нам некие факты, и если они неверны, ни один честный человек не вправе им верить, как бы они ни помогали; а если верны, всякий честный человек верить в них обязан, даже если помощи от них нет... Когда мы это поймем, мы поймем и другое. Если христианство истинно, просто не может быть, чтобы приверженцы его и противники были одинаково оснащены для «хорошей, правильной жизни».

Представьте себе, что вы хотите помочь дистрофику. Не зная медицины, вы его плотно накормите, и он умрет. Нелегко действовать в темноте. И христианин, и неверующий могут желать ближнему добра. Но один считает, что люди живут вечно, созданы Богом и лишь в Боге находят истинную и прочную радость, а другой считает, что они – случайный плод слепой материи, что живут они лет семьдесят, счастье их зависит от комфорта, удовольствий и т. п., а все на свете – аборты, вивисекция, законодательство, воспитание – хорошо или плохо только в зависимости от того, способствует ли оно такому счастью.

Во многом эти два человека согласятся. Оба считают, что людей надо лечить, кормить, одевать. Но рано или поздно разница в вере начнет сказываться. Например, материалист просто спросит: «Лучше ли от этого большинству?», а христианин может сказать: «Если и лучше, мы – против, ибо это несправедливо». И вечно, всегда их будет разделять черта, четкая, как меч. Для материалиста нация, класс, цивилизация важнее человека, так как «дней наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят» (Пс. 89, 10), сообщество же может продержаться гораздо дольше. Для христианина человек важнее всего, ибо он живет вечно, и перед ним цивилизации и расы – просто однодневки. Христиане и материалисты по-разному видят мироздание. Прав кто-то один, а тот, кто неправ, неизбежно станет действовать по закону своего, ложного мира; и при самой доброй воле помощь его будет ближнему в погибель. При самой доброй воле... Значит, он ни в чем не виноват? Значит, Бог (если Он, конечно, есть) с него не спросит? Но ведь нас волновало не это! Я не верю, что вы готовы действовать в темноте всю жизнь, сея несметное множество зол, если за себя вы спокойны. Не верю, что вы, мой читатель, пали так низко. Если же пали – и для вас найдутся доводы.

Не думайте, что вопрос в том, может ли кто-нибудь быть хорошим без христианства. Перед каждым из нас стоит другой вопрос: «Могу ли я?» Все мы знаем, что вне христианства были хорошие люди – скажем, Сократ и Конфуций, которые о нем не слышали, или Джон Стюарт Милль, не веривший в него. Если христианство истинно, люди эти пребывали в честном неведении или в честном заблуждении. Если воля их была так добра, как мне кажется (ведь я, что ни говори, не знаю тайны их сердец), мы вправе верить и надеяться, что Бог в Своем милосердии сумел исправить и предотвратить зло, которое они причинили бы по неведению и себе, и тем, на кого они влияли. Но вы, задавший мне этот вопрос, – в ином положении. Если бы вы о христианстве не слышали, вы бы и не спрашивали. Если

бы, услышав, серьезно все обдумали и отвергли, вы бы тоже не спросили. Значит, на самом деле вы спрашиваете: «Стоит ли мне беспокоиться? Не проще ли жить, как жил? Разве мало доброй воли? Разве непременно надо стучаться в страшную дверь?»

Прежде всего, я отвечу, что вы собираетесь быть хорошим, не зная, что такое «хорошо». Но этого мало. Незачем спрашивать, накажет ли вас Бог за леность и малодушие; они сами себя накажут. Ведь вы передергиваете. Вы намеренно не хотите знать, истинно ли христианство, потому что боитесь, что с ним хлопот не оберешься. Так мы нарочно забываем посмотреть на доску объявлений, чтобы не увидеть там своего имени, или зайти в банк и справиться, не кончился ли наш счет. Так мы избегаем врача, чтобы не узнать о своей болезни. Человек, не верующий по этим причинам, не находится в честном заблуждении. Он – в заблуждении нечестном, и нечестность эта окрасит его дела и помыслы, так как он утратил девственность разума. Если вы просто избегаете Его, переходите на другую сторону улицы, не снимаете телефонной трубки, не распечатываете писем, – это дело другое. Быть может, вы и впрямь не уверены, надо ли быть христианином, но вы прекрасно знаете, что надо быть человеком, а не страусом. Честь разума пала в наши дни так низко, что меня спросят: «А какая мне польза? Стану ли я счастливее? Стану ли лучше? Если вы в этом ручаетесь, что ж, приму христианство». Но я не хочу отвечать на этом уровне. Вот – дверь, за которой вас ждет разгадка мироздания. Если ее там нет, христиане обманывают вас, как никто никого не обманывал за все века истории. И всякий человек (человек, не кролик) просто обязан выяснить, как обстоит дело, а потом – или всеми силами разоблачать преступный обман, или всей душой, помышлениями и сердцем предаться истине. Неужели вам безразлично все, кроме «правильной жизни»? Ладно, скажу уж: христианство поможет вам, и гораздо больше, чем вы думаете. А первая помощь будет в том, что оно вобьет вам в голову очень важную и не очень приятную вещь. Все, что вы до сих пор считали «приличной», или «правильной», жизнью, – добропорядочность, благодушие и многое другое – совсем не так всецелительно, как вам казалось. Христианство научит вас, что вы и дня не можете пробыть «хорошим» без Божьей помощи. Потом оно научит еще, что если бы вы и смогли, вы все равно не достигли бы того, для чего вы созданы. Простая «нравственность» – не цель жизни. Вам уготовано иное. Милль и Конфуций (о Сократе не говорю, он был гораздо ближе к истине) просто не знали, для чего мы живем. Не знают этого и те, кто задает вопрос, с которого начинается статья. Если бы они знали, они бы поняли, что «порядочность» – чистейшая ерунда перед истинным замыслом о человеке. Нравственность необходима; но жизнь в Боге, к которой мы призываем, просто поглощает, вбирает ее. Мы должны родиться заново. Все кроличье в нас должно исчезнуть – и то, что роднит нас с похотливым кроликом, и то, что роднит нас с кроликом ответственным, порядочным, приличным. Шерсть будет вылезать с кровью, и, изнемогши от крика, мы вдруг обнаружим то, что было под шкуркой, – Человека, сына Божия, сильного, мудрого, прекрасного и радостного.

«Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (1 Кор. 13, 10). Желание «быть хорошим без Христа» зиждется на двух ошибках. Во-первых, это вам не под силу, во-вторых, это не цель вашей жизни. Нельзя взобраться самому на высокую гору праведности, но если бы мы и взобрались, мы бы погибли во льдах и разреженном воздухе. Начиная с определенной высоты, не помогут ни ноги, ни топорик, ни веревка. Нужны крылья; дальше придется лететь.

К. С. Льюис. Тихоновский благовест, № 3 (15), 2005.

Спаситель безнадежных, или можно ли быть хорошим и не спастись

Разговор начистоту

Здравствуйте. Хочу задать вопрос, который возник у меня после прочтения нескольких книг о Православии. Везде написано, что христианство – религия спасения, что главная задача христианина – спастись. Насколько я понимаю, спастись – значит прожить жизнь так, чтобы Бог взял тебя в Рай. А для этого нужно делать добро и избегать зла. Это очень красиво и убедительно.

Но я не понимаю, почему для этого обязательно нужно становиться христианином? Ведь вокруг множество хороших, добрых людей, не исповедующих христианство, которые, тем не менее, стремятся строить свою жизнь по такому же принципу: творить добро и не делать никому зла.

Выходит, что добро, сотворенное неверующими людьми, негодно Богу христиан? Но в таком случае добро неверующих людей в нравственном смысле – выше, потому что оно – бескорыстно. Ведь христианин творит добро в надежде на воздаяние от Бога, а неверующий не ждет награды и творит добро ради самого добра.

Так можно ли быть хорошим человеком и не спастись лишь потому, что ты – не член Церкви?

С уважением, Сергей Николаевич

Хорошие люди – спасаются. Плохие, соответственно – погибают. Такое понимание спасения – не редкость в современном мире. Все тут, вроде бы, ясно, логично и не нуждается в пояснениях. Но давайте попытаемся разобраться: а кто же такой этот самый – хороший человек? По каким признакам можно определить, что вот этот человек – хороший, и достоин спасения, а вон тот – так себе человечешко и спасения не заслуживает?

Здесь мы сразу столкнемся с рядом проблем. Предположим, водопроводчик дядя Вася регулярно пропивает зарплату и бьет свою жену. А его сосед, профессор математики – человек непьющий, добросовестный труженик и прекрасный семьянин. Кто из них хороший, а кто плохой? Ответ, казалось бы, очевиден: конечно, профессор хороший, а водопроводчик – редкостная дрянь. Но вот студенты, которых профессор «заваливает» на каждой сессии по малейшему поводу, вряд ли согласятся с подобной оценкой нелюбимого преподавателя. А собутыльники водопроводчика, напротив, убеждены, что дядя Вася – прекрасный человек, а его жена – кобра, мешающая культурному отдыху настоящих мужчин.

Причина такой путаницы, как это ни странно – в отсутствии объективных критериев понятия «хороший человек». Представления о добре и зле в массовом сознании сегодня, к сожалению, весьма бессистемны, слабо осмыслены и не имеют под собой никакого основания, кроме личных предпочтений, расхожих стереотипов и мнений, сложившихся в силу влияния социальной среды, полученного воспитания и образования. То, что считает для себя порядочным один человек, другой, возможно, оценит как недолжный, нечестный поступок. Поэтому категории «хорошо-плохо» в светской этике сегодня все больше напоминают формулировку Лесковского персонажа: «Что русскому хорошо, то немцу – смерть». Можно, конечно, попытаться вывести четкие этические критерии из мнения статистического большинства. Но двадцатый век убедительно доказал, что в разделении людей на плохих и хоро-

ших ошибаться могут даже целые народы. А ошибки такого масштаба всегда чреватые колючей проволокой нового ГУЛАГа, или печами очередного Освенцима.

Но если мы обратимся к христианской этике, мы увидим еще более загадочную картину. Дело в том, что в христианстве вообще нет понятия «хороший человек». Ни в одной из двадцати семи книг Нового Завета это словосочетание не встречается ни разу. В христианстве человек не отождествляется со своими качествами и поступками. Иначе говоря, поступающий плохо не назван в Евангелии – плохим. Равно как и совершающий хорошие дела не определяется как – хороший. Более того, у христиан есть строгий запрет на определения подобного рода. Господь говорит: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете». Поэтому очевидно, что критерии спасения следует искать там, где не происходит деления людей на плохих и хороших.

Разбойники, мытари и блудницы

В «Записных книжках» И. Ильфа и Е. Петрова есть замечательный по своей нелепости лозунг, подсмотренный ими на спасательной станции одного из одесских пляжей. Лозунг гласил: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Абсурдность подобного метода спасения на водах очевидна. Ведь утопающий – это тот, кто действительно нуждается в спасении, кто погибает и помочь себе уже не в состоянии. А если у купающегося человека на воде возникли какие-то проблемы, но он в состоянии справиться с ними без посторонней помощи, то вряд ли можно назвать его утопающим.

Рассмотрев христианское учение о Спасении, мы обнаружим тот же принцип: спасти можно только погибающего. На протяжении всего Евангельского повествования Христос постоянно общается с людьми, которых вряд ли можно назвать хорошими. Мытари, блудницы, законченные грешники приходили к Нему в надежде на прощение своих грехов. И никто из них не был Им осужден или отвергнут. Более того, первым человеком, вошедшим в Царствие Небесное, стал... уголовный преступник, разбойник, распятый рядом с Христом на Голгофе. Вот как говорит об этом Евангелие: «Вели с Ним на смерть и двух злодеев. И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. ...Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю».

Но кого же тогда осуждает Христос? Как ни странно – тех, кого их соплеменники считали безусловно хорошими людьми, и даже праведниками: фарисеев, книжников и старейшин Иудейских. «...Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие». Кто такие блудницы, сегодняшнему читателю объяснять не надо. А мытарями в Евангелии названы набранные из местного населения сборщики налогов в римскую казну. Пользуясь своим привилегированным положением, они бессовестно обирали земляков, взимая с них много больше положенного. В общем – нечто среднее между проворовавшимися налоговыми инспекторами и полицией времен Великой Отечественной. И такой вот народ был оценен Христом выше, нежели знатоки и ревнители иудейского Закона!

А причина такой оценки очень проста. Все грешники, приходившие ко Христу просить его о прощении своих грехов, были совершенно уверены, что не имеют никаких заслуг перед Богом. Это были изгои, отверженные своим народом. Все они знали, что ничего, кроме осуждения, ни у людей, ни у Бога не заслужили. Кроме милости Божией, им не на что было рассчитывать. И они получили эту милость. Это, конечно, не значит, будто Христос спасает

только преступников и негодяев. Просто опустившийся до дна лучше понимает, что тонет. А от дна иногда удобнее оттолкнуться.

В одной из книг Библии Бог назван удивительными словами – «Спаситель безнадежных». В этой фразе очень точно выражена сама сущность христианства. Кого спасает Христос? Тех, кто, оказавшись в безвыходной ситуации, просит Его о помощи, ни на что более не надеясь. Эти погибающие люди и называют себя христианами. А делить гибнущих на «плохих» и «хороших» не принято даже у спасателей с одесского пляжа. И если хороший человек, не будучи христианином, надеется спастись, этому может быть лишь два объяснения. Либо такой человек не понимает кто такие христиане, либо не считает свое положение окончательно безнадежным. Он может надеяться на собственные силы или на помощь кого-то еще, кроме Христа. И это – его законное право. Бог не отнимает у человека свободы выбора. Но всем хорошим (да и плохим тоже) людям нужно ясно понимать масштаб беды, от которой Христос спасает тех, кто согласился назвать Его своим Господом. Потому что Христос спасает Своих людей от смерти.

Свободолюбивый водолаз

Ни один человек не знает своего будущего. Мир вокруг нас постоянно и стремительно меняется. Вместе с ним меняемся и мы сами. Каждое прожитое мгновение приносит в нашу жизнь новые обстоятельства, заставляющие нас корректировать свои планы даже на самое ближайшее время. Мы можем лишь предполагать с разной степенью уверенности, что с нами произойдет, а чего мы попытаемся избежать. И лишь в одном факте нашей будущей биографии каждый из нас может быть абсолютно уверен. Мы все умрем.

Каждый – в свой срок. Одни – от старости, другие – от болезней или несчастных случаев...

Но умрем обязательно. Человек боится смерти и не любит о ней думать. Но это не меняет дела. По сути, мы начинаем умирать в момент своего рождения. И каждая секунда приближает нас к концу нашей жизни. Вот тут и возникает вопрос вопросов. Если смерть – полное прекращение бытия человеческой личности, то совершенно непонятно: а зачем все это было нужно? Ну жил человек какое-то время, ну радовался, страдал... Пытался познать мир, себя в этом мире, искал смысл своего существования. А смысл оказался в том, что и сам он, и его дети и дети их детей, все без исключения приговорены к смерти. И остается лишь потратить оставшееся время жизни на получение максимального количества удовольствий. Которые, правда, тоже довольно быстро приедаются. Но это все-таки лучше, чем ничего...

Христианство предлагает совершенно иной взгляд на жизнь и смерть. Человек рождается для того, чтобы жить вечно. Смерть для христиан не конец, а просто переход к другой форме существования. И качество этого существования напрямую зависит от того, как человек прожил свою земную жизнь. Иными словами, мы можем использовать свою жизнь как ступеньку к Жизни Вечной. А вот каким образом это происходит, мы можем понять лишь, выяснив, что такое смерть и откуда она появилась.

Христианское вероучение утверждает, что Бог не сотворил смерти. С религиозной точки зрения смерть – результат неверно употребленной свободы, которую Бог предоставил первым людям. Человек был создан с очень высоким предназначением – быть наместником Бога на земле. По замыслу Божию, он должен был царствовать над всем материальным миром, выполняя волю Божию об этом мире. Но человек мог также отказаться от этой миссии и начать жить по своей воле. К сожалению, первые люди избрали второй вариант отношений с Богом. Но ведь человек не имеет в себе источника жизни, поскольку эту жизнь дал ему Бог. Что же происходит с живым существом, оторвавшимся от источника

своей жизни? На эту тему в современной православной публицистике есть расхожий аллегорический сюжет.

Предположим, водолаз работает глубоко под водой, на морском дне. Воздух, необходимый для дыхания, поступает к нему с поверхности моря по шлангу. И вдруг водолаз решает, что этот шланг сковывает его свободу передвижения. Чтобы спокойно ходить по дну в любом направлении на большие расстояния, водолаз перерезает шланг... Дальнейшая его судьба – очевидна.

Отпав от Бога, человек начал умирать. Эта смертность перешла по наследству и всем его потомкам. Отпадение от Бога как источника жизни вызвало патологические изменения в духовной и физической природе человека. Он, можно сказать, заразился смертельным заболеванием, которое передается по наследству и, несмотря на все человеческие усилия, неизлечимо.

Но «...невозможное человекам, возможно Богу». Сам Создатель этого мира пришел к людям, чтобы исцелить больную природу человека и восстановить связь человека с Богом, которую первые люди так неосмотрительно разрушили. Отпадение произошло из-за уклонения человеческой воли ко злу. Следовательно, для того чтобы спастись, человек должен привести свою волю в соответствие с Волей Божией, которая выражена в заповедях. Вот, казалось бы, и ответ на вопрос: можно быть просто хорошим человеком, исполнять заповеди и, тем самым – спастись, не будучи при этом христианином. И здесь мы сталкиваемся еще с одним парадоксом христианства. Дело в том, что важнейшим моментом в вере христиан является их убеждение в полной своей неспособности к исполнению какой-либо Божией заповеди.

Корысть – значит польза

В христианском понимании добро – это следование замыслу Бога о мире и человеке, а зло – уклонение от Божией воли. Отпадение от Бога искалечило нравственную природу человека. Все его душевные качества, изначально предназначенные для добрых дел, пришли в расстройство. Добро падшего человека оказалось перемешанным со злом. Даже зная, что такое добро, в чем Воля Божия, человек не в состоянии ее выполнить при самом горячем своем желании. В этом легко убедиться каждому. Стоит, например, попытаться хотя бы на один день прекратить делить людей на плохих и хороших (т. е. исполнить заповедь о неосуждении ближнего). И сразу станет ясно – мы на это не способны. Наша больная природа мешает нашим благим намерениям. Вот как об этом писал апостол Павел: «Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю». Водитель, нарушивший правила дорожного движения и попавший в аварию, не может ехать дальше вовсе не потому, что забыл правила. А потому, что у него сломаны руки.

И если бы Христос дал людям заповеди просто как формальное знание о добре, это было бы невероятно жестоко. Заповеди оказались бы тогда для падшего человека непреодолимой стеной. Но Господь пообещал свою помощь любому, кто решится жить по Его Заповедям: «...И вот, Я с вами во все дни до скончания века». Эту Божию помощь в совершении добра христиане называют – Благодатью. И ни одно из добрых дел, совершенных ими, они не приписывают себе. Источник любого добра для христиан – их Бог, который сказал: «Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе; так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего». От человека требуется лишь проявить волевую решимость к исполнению Заповеди. А силы на это испол-

нение дает Бог. Такое сотворчество человека и Бога в деле спасения богословие называет «синергией».

И мысль о том, будто христиане делают добро в надежде на награду, может возникнуть лишь у того, кто не знает слов Христа: «...когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать».

Церковь – это больница. Врач в этой больнице – Христос. А христиане – всего лишь больные, старающиеся точно исполнять предписания Врача. Выздоровление, в известном смысле, действительно можно рассматривать как награду за решимость отправиться на лечение.

Но ведь спасение – это единение человеческого духа с Духом Божиим. И если человек делает добро, не имея в виду этой цели, то, наверное, есть смысл вспомнить о том, что слово «корысть» употребляется в русском языке и в значении – «польза». Бескорыстное творение добра может оказаться для человека – бесполезным, если не приводит его к Источнику всякого добра.

Самая страшная болезнь

Тертуллиан писал, что душа человеческая по самой природе своей христианка. Ведь Бог создал людей по подобию Своему. Поэтому стремление делать добро является естественным свойством и потребностью любого человека, независимо от его религиозных убеждений. Это и есть тот самый нравственный закон в человеке, который так удивлял Иммануила Канта. И людей, стремящихся следовать этому естественному закону добра, очень много. Несмотря на поврежденность Образа Божия, человек бережно хранит в себе искорки природного добра, интуитивно понимая, что это самое ценное его достояние.

Так изможденный долгими странствиями в пустыне путник дорожит флягой с последним запасом воды. Вода эта – мутная и плохо пахнет, но для путника она ценнее всех сокровищ мира. И вдруг за очередным барханом перед ним открывается огромное озеро, наполненное удивительно чистой и свежей водой. И что же делать этому путнику? Он может кинуться к озеру из последних сил, бросая все, что мешает бежать, чтобы быстрее окунуться в спасительные прохладные волны. Но может решить для себя, что вода у него еще осталась, и будет идти вдоль берега, пока не кончится его скудный запас. А потом умрет от жажды, так и не прикоснувшись к прозрачной воде, которая плескалась у самых его ног.

Христос сказал: «Кто жаждет, иди ко мне и пей». Сказано это о жажде добра, о стремлении к истине, как – к высшему благу. И тем, кто творит добро ради самого добра, Господь обязательно открывает Себя. А вот примет ли человек Христа как своего Спасителя или посчитает для себя достаточным просто следовать Его Заповедям, как еще одному из множества этических учений – это дело личного выбора каждого человека, будь он хороший или плохой. Но когда человек считает Христа – Богом, и все же надеется спастись собственными добродетелями, тогда он и вправду рискует остаться вне спасения, даже если является членом Церкви. Потому что самая страшная болезнь человеческого духа – уверенность в собственном здоровье.

Александр Ткаченко, «Фома» № 4 за 2006 год

О том, почему каждому образованному человеку необходимо узнать Православие

Сейчас говорят и знают в основном, о буддизме, о йоге. О политике. О науке. О спорте. О вещах очень или не очень далеких... Но что мы знаем о том, что всегда было и есть РЯДОМ с нами? Что мы знаем о Православии?

Мы (я буду говорить «мы»), потому что Православие не учит делить живых людей на своих и чужих, на спасенных и не спасенных, не ставит крещеного выше некрещеного; каждый может погибнуть, и каждый может обрести спасение) – мы жаждем свободы. Это главная ценность современной цивилизации – свобода. «Пусть мне ничего не навязывают, пусть мне покажут, и я сам стану выбирать все лучшее» – вот наш девиз.

Что же, пусть будет так. Но из чего выбирать и что выбрать? Если, например, выбор заключается в том, чтобы выбрать между Кока-и Пепси-колой, то это, согласитесь, не более чем профанация выбора. Или если наша свобода предполагается в пределах двух измерений, и никак не хочет учитывать третьего – то это свобода... ползать по плоскости.

Наконец, если решая вопрос «как жить», мы заранее отказываемся рассматривать православный ответ как одну из серьезных альтернатив – то, значит, и выбор наш является менее свободным.

Какая же это свобода выбора, если у нас с вами знаний о вере отцов значительно меньше, чем о тибетской Шамбале?

Кто-то из нас скажет: «Да знаем мы эту самую веру! Знаем мы эти свечки, иконы и поклоны, эти страдания адом за «грехи» и обещания райских куш.

А все-таки – знаем ли? Помним ли?

Россия, начало 20-х годов. Один из тысяч эпизодов тогдашней жестокой действительности: на краю братской могилы выстроены сорок арестованных. Это сорок «церковников» – как их тогда называли – совершенно разных по возрасту и образованию людей.

Работник ВЧК приставляет к голове очередного «церковника» револьвер и спрашивает: «Есть Бог? Если скажешь «нет» – мы тебя отпустим». И вот каждый из этих, в жизни своей очень разных людей, коротко отвечает: «Есть»... Их расстреляли.

Но зачем они решили умереть? Допустим, все они примитивные, дремучие фанатики, верящие всяким «бредням». Но ведь почему-то из-за этих «бредней» безоружных, и, по существу, ничем не способных помешать новой власти людей понадобилось арестовывать, допрашивать, охранять, держать в камерах, а потом расстреливать!

В то время обвиняли либо в «контрреволюционной деятельности» – за призыв сохранять личную, веру в Бога и воспитывать в Православии детей. Либо – «за сопротивление изъятию церковных ценностей».

С первым обвинением, как говорится, все ясно. А что касается второго. Многие ведь и сегодня считают священников и клириков просто хитрыми (или не очень хитрыми) приобретателями – типа отца Федора из «Двенадцати стульев». Такие люди, конечно же, есть среди тысяч священнослужителей.

Но о. Федор, который кажется таким «типичным» батюшкой, вряд ли стал бы так упорствовать в богословском споре, если спор этот окончится не обретением стула с бриллиантами, а «пулей в лоб»?

Однако в сотнях, да теперь уже тысячах известных случаев мучительства и уничтожения священников, диаконов, просто верующих – все они оказались готовы погибнуть не за богатства, не за капиталы, а за свою веру.

Вот другой пример. Профессор Войно-Ясенецкий (с 20-х годов – архиепископ Лука), замечательный хирург и ученый и, одновременно, священнослужитель, был в 30-е годы

арестован. Он выжил, вновь оперировал и даже удостоился Сталинской премии за книгу «Очерки гнойной хирургии». И тем не менее, и до, и после своих злоключений профессор упорно отказывался приступать к операции без молитвы и крестного знамения! И более того – упорно не желал выступать на научных конференциях и лекциях в мирской одежде! – Почему?

Хорошо ли мы понимаем причины, заставившие людей делать выбор в пользу Православия?

Когда-то в древности жил (не у нас – в Сирии) христианин Авраамий. Он пошел проповедовать свою веру жителям одного языческого поселка – а они его избили и вывезли вон. Авраамий лишь только чуть-чуть поправился – снова пошел в поселок, и его избили буквально до полусмерти и пообещали в следующий раз просто убить. Но прошло недолгое время, и старец опять был в поселке – чтобы рассказать людям о своей вере или умереть от их рук. И тогда язычники задумались: что же это за вера такая, что человек готов умереть ради возможности рассказать о ней? Решили выслушать Авраамия. Выслушали. Стали спрашивать еще и еще. Стали обдумывать каждое слово... и, в конечном итоге, приняли христианство.

У тех язычников были свои, собственные «боги», много полезных и удобных «богов», на все случаи жизни. Мы чем-то похожи на них. Наша свобода – это многобожие, поклонение сотне кумиров сразу. Нам нравится и Христос, и Будда, и Лев Толстой, и Маркс, и Ницше.

В нашем «пантеоне» много личностей и теорий, часто взаимоисключающих – ведь мы современные, образованные люди, мы смотрим на вещи широко.

Но вот мы, знатоки философий и сторонники свободы выбора, вдруг отвергаем Православие! Не потрудившись вникнуть в его суть, вопреки собственной же логике (ведь выбор наш из-за такого «вычеркивания» становится неполным.

Это же явный изъян нашей «свободы»! Мы читаем «навороченные» книги о культурах Востока, продираемся сквозь тома Марксова «Капитала»... а прочесть жизнеописания святых (причем уже есть замечательные книги о подвижниках XX века!), открыть труды если не древних «отцов Церкви», то хотя бы наших современников – нам почему-то кажется «ненужным», «неважным», лишним...

И в храм войти нам помешает что или кто угодно, включая «злую старушку» – это поистине опаснейшее существо, перед которым меркнет жуткий образ современного рэкетира!

Ну давайте же, наконец, вдумаемся: разве особенность церковно-славянского языка, «красивости» духовной литературы, отсутствие навыка к восприятию иконы или, наконец, пресловутое раздражение на «злую старушку» – настолько серьезные причины, чтобы отказаться познать веру, которая говорит нам о смысле жизни и готова ответить на вечный и главный вопрос «зачем мы живем»?

Или мы боимся получить ответ, который нас не устроит?..

Вероятно, так называемая православная христианская «миссия» действительно парадоксально слаба на нашей российской земле. Парадоксально – потому что сейчас «нашу» веру начинают узнавать, понимать и принимать англичане и американцы, укрепляются православные церкви в Японии, Индии, во многих африканских странах.

Возможно, церковные общины у нас здорово замкнулись после целых эпох государственных гонений и запретов, и никак не подберут ключей к сердцу тех, кто о вере не знает.

Но создается впечатление, что главная причина отказа все же не в этом, а в нас самих.

Православие либо сводят к форме (обрядам, одеждам, языку), либо искажают и отвергают самую суть веры, ничего толком еще не поняв (точно так же, впрочем, действуют и многие «принимающие» как православие, так и религии Востока).

В наполненном мифами общественном сознании Церковь предстает либо этнографическим заповедником, либо очень крупной и фанатичной сектой. Сектой, считающей всех вокруг «грешниками», судящей, осуждающей и страшающей всех «своими» адскими муками. Христианство представляется «губительным принципом», который, по словам ученого, «рушит сознание, ставя ему рамки».

Естественно, для многих людей усиление Православия кажется опасным явлением, представляющим реальную угрозу «идеалам современной жизни» и в целом – избранному курсу на «свободу» и «плюрализм». Кроме того, растет число тех, кто считает «фанатичность» православного христианства источником конфликтов и нестабильности в обществе, потерявшем единство в вере.

И в этом – удивительная параллель между нашей эпохой и древностью: теми веками истории Римской Империи, когда христиан гнали, боялись и ненавидели.

Многие ли сегодня знают, а в чем, собственно, обвиняли римские власти христиан? За что пытали и убивали? Как объясняли необходимость тотального искоренения этой религии?

Ведь Римская Империя (как это ни покажется кому-то странным) – это классическое правовое государство (недаром римское право является обязательным предметом в юридических ВУЗах). С четко очерченными правами и обязанностями граждан. С широчайшим религиозным и идейным плюрализмом. С очень сильной судебной системой. Поэтому, например, когда иудеи попытались устроить расправу над христианином – апостолом Павлом, власти вывели его из Иерусалима под мощной охраной: разве можно было допустить бессудное убийство римского гражданина!

И, однако же, римский суд в конечном итоге осудил и ап. Павла, и тысячи других христиан на мучительную смерть. А еще тысячи погибли во время римских гонений II–III веков и вовсе без суда – как и в России первой половины XX века.

Это противоречило человеческой логике – большинство осужденных являлись лояльными подданными, хорошими тружениками, воинами, учеными людьми. Среди казненных во времена Римской империи было много государственных деятелей, военачальников, даже членов императорских семей (например, святая великомученица Екатерина)! Причем они даже не были непосредственно опасны – а были лишь опасны потенциально, т. е. считалось, что эти люди угрожали «общественной безопасности», «солидарности» империи.

А империя в то же самое время признавала законными всех почитавшихся на ее территории богов. Включая и Единого Бога древних иудеев!

Римские императоры вообще боялись государственной нестабильности намного больше, нежели Бога. И поэтому их не устраивал именно Христос. До мифологических, маленьких божков, им не было дела. Они оказались достаточно «широки», чтобы стать идолами римского Пантеона, а вот Христос был недостаточно широк для язычников, и при этой своей «узости» в римский Пантеон... не вмещался!

Христос был опасен. Языческие «боги», в отличие от Христа, не требовали от каждого человека подлинного духовного и нравственного выбора. А значит – не подрывали пусть построенную на лицемерии и неправде, но внешне стабильную имперскую систему, не противоречили государственной идее (которую точнее всего можно было бы выразить поэтической строкой «паситесь, мирные народы»).

Идея провозглашала Рим великим, вечным, незыблемым, а римского императора – пастыря послушных народов – ставила как бы НАД нравственными понятиями, оправдывала все его деяния и преступления, лишь бы они укрепляли «вечное» царство...

И против тех, кто смел открыто верить иначе, против тех, чей Бог даже в «унижении» казнимого, даже в распятии продолжал проповедовать и раскрывать Царство Высшее – устраивались беспрецедентные по тогдашнему масштабу гонения.

Ведь если есть действительно Вечное, подлинно Всеобщее Царство, значит земная империя Рима – не вечная, не незыблемая?! Значит, ее император ответит за все содеянное – перед Богом; по единому для всех нравственному закону; в этом самом Царстве Божиим, где, по словам апостола Павла, «нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного»... т. е. там, где все равны?!

Это была та идея, за которую императоры готовы были убивать... А христиане – умереть. Потому что для римских язычников их религия являлась неким культурным досугом, а для христиан вера была больше, чем вопросом жизни и смерти: делом спасения души.

Рим веками боялся христиан, долгие годы благоволил гражданам-язычникам, а гибель встретил под ударами совершенно неизведанного врага – язычников-варваров. От бывшего могущества ничего не осталось. И единственной реальной, живой и необходимой людям традицией, связывающей нас с тем далеким миром, оказалось... христианство!

Идея Царства Божьего как-будто бы победила идею «вечного» человеческого царства. Но в широком общественном сознании все осталось по-прежнему. Возникали и исподволь «нависали» над христианством новые империи, гибли, уступая место новым государствам – уже без Христа.

Идея власти мельчала, дробилась, и теперь уже каждый человек хочет сам быть пусть не царем – так хоть «маленьким принцем» на своей «планете». Только, если проводить аналогии со сказкой Экзюпери, из нас получаются не маленькие принцы, а все больше незадачливые короли, «повелевающие» Солнцем, биржевики, закладывающие звезды в банк, или просто горькие пьяницы...

Человек вновь создал себе пантеон богов и героев, где, как и в римские времена, стоят рядом Венера, Астарта и Иисус Христос (были и такие сочетания в императорских молельнях!). И опять (простите за это неудобоваримое слово) плюрализм развязывает нам руки, ставит нас выше Закона, «освобождает» на свой лад.

Причем эта «свобода», в отличие от Православия, действительно не ставит сознанию рамки. И таким образом... рушит наше «неограниченное», слепое сознание.

Ведь без рамок свобода хороша на равнине. А если нет барьеров на крутой горной дороге?

Ведь сознание – вещь аморфная; оно рушится, если его не структурировать, если не поставить рамки!

Православие своими «рамками» пытается предупредить от падения, но не загородить путь, не лишит свободы двигаться. Более того, именно в Православии открывается новая степень свободы – ведь движение здесь не налево-направо, а вверх!..

Но тут-то мы и говорим «стоп». Мы не терпим, чтобы нас поучали. Именно поэтому если нас самих пытаются предупредить о том, что «жить как хочется» не синоним свободы, что свобода не в том, чтобы побольше набрать, а в том, чтобы ВЫБРАТЬ – наше самолюбие восстает, и мы затыкаем уши.

Мы, на поверку, чрезвычайно нетерпимы. Поэтому, как и прежде в нашей кумирне никто: ни Христос – придуманный нами, такой, какой нам нужен, ни Маркс, ни Фрейд, ни Бакунин – не добьются от нас покаяния, отчета в своей дурной жизни.

Это – и есть свобода в нашем нынешнем понимании, коварная и неверная. Она подразумевает бесконечное самооправдывание и осуждение всех, кроме себя. Она предлагает огромный выбор самых безыдейных идей, самых бесполезных предметов, самых безнравственных мыслей и поступков. Она оправдывает, угождает, лакействует, ведет в «заветные» тупики, заводит в «живописные» расщелины – пока не изведет человека до конца. До болезни, несчастья, смерти, когда никакой возможности двигаться, никакой «свободы» не будет и в помине.

Модная псевдосвобода отступит, чтобы предать своего «клиента», оставить его страдать в одиночку.

И человек может умереть, так и не поняв, что свобода есть не выбор удобств. Что всю жизнь ему нужна была только одна, настоящая Истина, которая и есть подлинная свобода! Которая не предаст...

Он поймет это потом, после самой своей смерти... А рядышком, в соседнем храме, в непрочитанной Книге, в сердце незнакомого верующего человека, вокруг и внутри его – продолжит жить мир тысячелетней православной веры. Этот мир открывает тайны бытия, отвечает на самые страшные вопросы, он освобождает и он не дает умереть – потому что Бог однажды победил смерть...

Так давайте же прежде чем сделать «свободный выбор», узнаем, что такое Православие. И, возможно, именно эта вера не оставит нас никогда.

Владимир Гурболиков. Журнал «Фома», № 2, 1996.

Есть ли разница, как верить во Христа?

«Слыхал ли ты, возлюбленный, как люди, небрежные и холодные в делах веры, любят повторять ходячую и легкомысленную фразу, что разницы христианских исповеданий мало значат в деле спасения, якобы все верующие во Христа имеют одинаковую надежду спасения о Христе Иисусе. Что сказать? Правда, что Христос Спаситель есть единая надежда и причина спасения всех людей, верующих в Него; но неправда, будто бы все равно, содержать ли Его учение во всей чистоте и неприкосновенности или в неполном, неточном и искаженном виде. Конечно, и в позолоченной вещи есть нечто золотое, но все же она не золотая; и не обделанный бриллиант имеет свою относительную ценность, и в заблуждениях и ошибках бывает своя доля правды, которой не пренебрегают люди умные и благородные. Но справедливо ли отождествлять все эти вещи и придавать им одинаковую ценность? А если нет, то и выходит, что выбирать нужно более ценное и лучшее.

Не все христианские вероисповедания в одинаковой степени владеют истиной и значит не все равно, к тому или иному принадлежать вероисповеданию»⁴.

«Православная Церковь, верная Священному Преданию, не отошла ни в чем от той полноты истины, какая раскрылась в истории Церкви через вселенские соборы. В этом — источник правды Православия, которое и в догматах и в канонических положениях (определяющих строй Церкви), и в литургических чинах хранит неизменным сокровище Церкви. Но эта верность «неделимой» Церкви (т. е. Церкви до возникновения в ней разделения на Восток и Запад) не означала и не означает неподвижности в жизни Церкви. Презрительное определение Православия, как «окаменелой» Церкви совершенно не отвечает действительности. В Православии веет тот же дух Христовой свободы, какой был присущ раннему христианству, — так же в свете Христовом воспринимает Православие мир и человека, так же хранит церковную дисциплину и иерархический строй, как это утвердилось изначала в Церкви. Но Православие не подменяет верность Христу верностью церковным властям (что так часто встречается в католической церкви) и не превращает свободу во Христе в опасное и двусмысленное «личное разумение» (на чем стоял и стоит весь протестантизм). Православие соборно; лишь в единстве клира и мирян видит оно единство в Церкви, лишь в церковном разуме, т. е. соборной мысли оно видит источник истины»⁵.

⁴ Священник Александр Ельчанинов. Беседа о Католичестве и Православии (с юношей М. по просьбе его отца).

⁵ прот. В. Зеньковский

Истина Православия

Христианский мир мало знает Православие. Знают только внешние и по преимуществу отрицательные стороны Православной Церкви, но не внутренние, духовные сокровища. Православие было замкнуто, лишено духа прозелетизма⁶ и не раскрывало себя миру. Долгое время Православие не имело того мирового значения, той актуальной роли в истории, какие имели католичество и протестантизм. Оно оставалось в стороне от страстной религиозной борьбы ряда столетий, столетия жило под охраной больших империй (Византии и России) и хранило вечную истину от разрушительных процессов мировой истории.

Для религиозного типа Православия характерно то, что оно не было достаточно актуализировано и выявлено во вне, не было воинственно, но именно потому небесная истина христианского откровения наименее в нем исказилась. Православие и есть форма христианства наименее искаженная в существе своем человеческой историей...

Православная Церковь есть прежде всего Церковь Предания в отличие от церкви католической, которая есть церковь авторитета, и церквей протестантских, которые суть церкви личной веры. Православная Церковь не имела единой внешне-авторитарной организации и она неизбежно держалась силой внутреннего предания, а не внешнего авторитета. Она оставалась наиболее связанной с перво-христианством из всех форм христианства. Сила внутреннего Предания в Церкви есть сила духовного опыта и преемственности духовного пути, сила сверхличной духовной жизни, в которой всякое поколение выходит из сознания самодовольства и замкнутости и приобщается к духовной жизни всех предыдущих поколений вплоть до апостолов.

В Предании я имею один опыт и одно ведение с апостолом Павлом, с мучениками, со святыми, и со всем христианским миром. В Предании мое знание есть не только знание личное, но и сверхличное, и я живу не в отдельности, а в теле Христовом, в едином духовном организме со всеми моими братьями во Христе. Православие есть, прежде всего, ортодоксия жизни, а не ортодоксия учения. Еретики для него не столько те, кто исповедует ложную доктрину, сколько те, кто имеет ложную духовную жизнь и идет ложным духовным путем. Православие есть, прежде всего, не доктрина, не внешняя организация, не внешняя форма поведения, а духовная жизнь, духовный опыт и духовный путь. Во внутреннем духовном делании видит оно сущность христианства. Православие есть наименее нормативная форма христианства (в смысле нормативно-рациональной логики и морального юридизма), и наиболее духовная его форма. И эта духовность и сокровенность Православия нередко бывали источником его внешней слабости. Внешняя слабость и недостаток проявления, недостаток внешней активности и реализации бросались всем в глаза, духовная же его жизнь и духовные его сокровища оставались сокровенными и незримыми. И это характерно для духовного типа Востока в отличие от духовного типа Запада, всегда актуального и выявляющегося во вне, но нередко в этой активности себя духовно истощающего...

Православию чужд рационализм и юридизм, чужд всякий норматизм. Православная Церковь не определима в рациональных понятиях, она понятна лишь для живущих в ней, для приобщенных к ее духовному опыту. Мистические типы христианства не подлежат никаким интеллектуальным определениям, они также не имеют признаков юридических, как не имеют признаков и рациональных. Подлинное православное богословствование есть богословствование духовно-опытное...

⁶ Прозелетизм – стремление распространить свою веру, обратить других в свою веру, стремление к повсеместному установлению поддерживаемой религии.

В духовной жизни, в духовном опыте и духовном пути отображается жизнь Святой Троицы. Православная Литургия начинается со слов: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа». Все идет сверху, от Святой Божественной Троичности, от высоты Сущего, а не от человека и его души. В Православном представлении нисходит сама Божественная Троичность, а не восходит человек...

Православие и есть христианство, в котором наиболее раскрывается Дух Святой. Православие, прежде всего, литургично. Оно научает народ и развивает его не столько проповедями и преподаванием норм и законов поведения, сколько самим литургическим действием, в котором дан прообраз преображения жизни. Оно научает также народ образами святых и внушает культ святости. Но образы святых не нормативны; в них дано благодатное просветление и преображение твари действием Духа Святаго. Эта ненормативность Православия делает его труднее для путей человеческой жизни, для истории, мало благоприятным для всякой организации и для творчества культуры. Сокровенная тайна действия Духа Святаго на тварь не была актуально переведена на пути человеческой жизни...

Спасение есть преображение и просветление твари, а не судебное оправдание. Православие обращено к тайне Воскресения, как к вершине и последней цели Христианства. Поэтому центральным праздником в жизни Православной Церкви является праздник Пасхи, Светлое Христово Воскресение. Светлые лучи Воскресения пронизывают православный мир. В православной литургии праздник Пасхи имеет безмерно большее значение, чем в католичестве, где вершина – праздник Рождества Христова. В католичестве мы, прежде всего, встречаем Христа Распятого, в Православии же – Христа Воскресшего. Крест есть путь человека, но идет он, как и весь мир, к Воскресению. Тайна Распятия может заслонить собой тайну Воскресения. Но тайна Воскресения есть предельная тайна Православия. Тайна же Воскресения не только человеческая, но и космическая. Восток всегда космичнее Запада. Запад же человечнее; в этом его сила и значение, но также и его ограниченность. На духовной почве Православия возникает стремление ко всеобщему спасению. Спасение понимается не только индивидуально, но и соборно, вместе со всем миром. И из недр Православия не могли бы раздаться слова Фомы Аквината, который сказал, что праведник в раю будет наслаждаться муками грешника в аду...

Православная мысль никогда не была подавлена идеей Божественной справедливости и она никогда не забывала идеи Божественной любви. Главное, она не определяла человека с точки зрения Божественной справедливости, а идеи преображения и обожения человека и космоса.

Наконец последнюю и важную черту в Православии нужно видеть в его сознании эсхатологичности. В недрах Православия более сохранилась первохристианская эсхатологичность, ожидание второго пришествия Христа и грядущего Воскресения. Эсхатологичность Православия означает меньшую привязанность к миру и земной жизни и большую обращенность к небу и вечности, то есть к Царству Божьему. В христианстве западном актуализация христианства в путях истории, обращенность к земной устроенности и земной организации заслонила собою тайну эсхатологии, тайну второго пришествия Христова. В Православии, именно вследствие его меньшей исторической активности, сохранилось великое эсхатологическое ожидание. Апокалиптическая сторона христианства осталась наименее выраженной в западных формах христианства. На Востоке же, на православной почве, особенно на почве русского Православия, возникли течения апокалиптические, ожидание новых излиний Духа Святаго.

Православие наиболее традиционная, наиболее консервативная форма христианства, ибо охраняло древнюю истину, но в нем же заложена возможность наибольшей религиозной новизны, не новизны человеческой мысли и культуры, которая так велика на Западе, но

новизны религиозного преобразования жизни. Примат всей целостной жизни над дифференцированной культурой был всегда особенно характерен для Православия...

Православие нельзя узнать по оставшимся теологическим трактатам; оно узнается в жизни Церкви и всего церковного народа, оно менее всего выражается в понятии. Но Православие должно выйти из состояния замкнутости и изолированности, должно актуализировать свои сокровенные духовные богатства. Тогда только оно и приобретет мировое значение. Признание исключительного духовного значения Православия, как наиболее чистой формы христианства, не должно породить в нем самодовольства и вести к отрицанию значения западного христианства. Православное христианство может безмерно много дать для христианизации мира. Христианизация мира не должна означать обмирщения христианства. Христианство не может быть изолированно от мира, и оно продолжает в нем движение, не отделяясь и оставаясь в мире, должно быть победителем мира, а не быть побежденным.

Николай Бердяев. Вестник русского западно-европейского патриаршего экзархата. Париж, № 11, 1952. С. 4–11.

Чем отличается Православие от католичества?

В чем же отличие Православия от католичества?

Это есть отличие догматическое, церковно организационное, обрядовое, миссионерское, политическое, нравственное и актовое. Последнее отличие есть жизненно первоначальное: оно дает ключ к пониманию всех остальных.

Догматическое отличие известно каждому православному.

Во первых вопреки постановлениям Второго Вселенского Собора (Константинопольского, 381 г.) и Третьего Вселенского Собора (Ефесского, 431 г., Правило 7), католики ввели в 8-й член Символа Веры добавление об исхождении Духа Святого не только от Отца, но и от Сына.

Во-вторых, в XIX веке к этому присоединился новый католический догмат о том, что Дева Мария была зачата непорочною.

В-третьих, в 1870 году был установлен новый догмат о непогрешимости римского папы в делах церкви и вероучения.

В-четвертых, в 1950 году был установлен еще один догмат о посмертном телесном вознесении Девы Марии.

Эти догматы не признаны Православной Церковью. Таковы важнейшие догматические отличия.

Церковно организационное отличие состоит в том, что католики признают римского первосвященника главою Церкви и заместителем Христа на земле, тогда как Православие признает единого главу Церкви Иисуса Христа и считает единственно правильным, чтобы Церковь строилась вселенскими и поместными соборами. Православие не признает также светскую власть за епископами и не чтит католические орденские организации (в особенности иезуитов). Это важнейшие отличия.

Обрядовые отличия следующие. Православие не признает богослужение на латинском языке; оно блюдет Литургии, составленные Василием Великим и Иоанном Златоустом и не признает западных образцов; оно соблюдает завещанное Спасителем причастие под видом хлеба и вина и отвергает введенное католиками для мирян причастие одними освященными облатками. Православие признает иконы, но не допускает скульптурных изображений в храмах; оно возводит исповедь к незримо присутствующему Христу и отрицает исповедальню как орган земной власти в руках священника. Православие создало совсем иную культуру церковного пения, молитвословия и звона; у него иное облачение; у него иное знамение креста; иное устройство алтаря; оно знает коленопреклонение, но отвергает католическое приседание; оно не знает дребезжащего звонка во время совершительных молитв и многого другого. Таковы важнейшие обрядовые отличия.

Миссионерские отличия следующие. Православие признает свободу исповедания и отвергает весь дух инквизиции истребление еретиков, пытки, костры и принудительное крещение (Карл Великий). Оно блюдет при обращении чистоту религиозного созерцания и его свободу от всяческих посторонних мотивов, особенно от застрашивания, политического расчета и материальной помощи; оно не считает, что земная помощь брату во Христе доказывает правоверие благотворителя. Оно, по слову Григория Богослова, ищет не победить, а приобрести братьев по вере. Оно не ищет власти на земле любой ценою. Таковы важнейшие миссионерские отличия.

Политические отличия таковы. Православная Церковь никогда не притязала ни на светское господство, ни на борьбу за государственную власть в виде политической партии. Исконное русскоправославное разрешение вопроса таково: Церковь и государство имеют особые и различные задания, но помогают друг другу в борьбе за благо; государство пра-

вит, но не повелевает Церкви и не занимается принудительным миссионерством; Церковь организует свое дело свободно и самостоятельно, соблюдает светскую лояльность, но судит обо всем своим христианским мерилom и подает благие советы, может быть, и обличения властителям и благое на учение мирянам (вспомним Филиппа Митрополита и Патриарха Тихона). Ее оружие не меч, не партийная политика и не орденская интрига, а совет, наставление, обличие и отлучение. Византийские и после петровские уклонения от этого порядка были явлениями нездоровыми.

Католицизм, напротив, ищет всегда и во всем, и всеми путями власти (светской, клерикальной, имущественной и лично-суггестивной).

Нравственное отличие таково. Православие вызывает к свободному человеческому сердцу. Католицизм вызывает к слепой покорной воле. Православие ищет пробудить в человеке живую, творческую любовь и христианскую совесть. Католицизм требует от человека повиновения и соблюдения предписаний (законничество). Православие спрашивает о самом лучшем и зовет к евангельскому совершенству. Католицизм спрашивает о предписанном, запрещенном, дозволенном, простительном и непростительном. Православие идет в глубине души, ищет искренней веры и искренней доброты. Католицизм дисциплинирует внешнего человека, ищет наружного благочестия и удовлетворяется формальной видимостью добродетели.

И все это теснейше связано с первоначальным и глубочайшим актовым отличием, которое необходимо продумать до конца и притом раз и навсегда.

Исповедание отличается от исповедания по своему основному религиозному акту и его строению. Важно не только то, во что ты веруешь, но еще и то, чем, т. е. какими силами души осуществляется твоя вера. С тех пор, как Христос Спаситель утвердил веру на живой любви, мы знаем, где искать веру и как найти ее. Это есть самое важное для понимания не только своей веры, но и особенно чужой веры и всей истории религий. Именно так мы должны понять Православие и Католичество.

Есть религии, которые рождаются из страха и питаются страхом; так африканские негры в своей массе прежде всего боятся темноты и ночи, злых духов, колдовства, смерти. В борьбе с этим страхом и в эксплуатации его у других и слагается их религия.

Есть религии, живущие фантазией и воображением; их сторонники довольствуются мифическими легендами и химерами, поэзией, жертвоприношениями и обрядами, пренебрегая любовью, волей и мыслью. Таков индийский браманизм.

Буддизм был создан как религия жизнеотвержения и аскезы. Конфуцианство возникло как религия исторически выстраданной и искренно прочувствованной моральной доктрины. Религиозный акт Египта был посвящен преодолению смерти. Иудейская религия искала прежде всего национального самоутверждения на земле, выдвигая геноцизм (бог национальной исключительности!) и моральное законничество. Греки создали религию семейного очага и зримой красоты. Римляне – религию магического обряда. А христиане?

Православие и католичество одинаково возводят свою веру ко Христу, Сыну Божию и к евангельскому благовествованию. И тем не менее их религиозные акты не только различны, но и несовместимы по своей противоположности.

Первичное и основное пробуждение веры для православного есть движение сердца, созерцающей любви, которая видит Сына Божия во всей Его благодати, во всем Его совершенстве и духовной силе, преклоняется и приемлет Его, как сущую правду Божию, как свое главное жизненное сокровище. При свете этого совершенства православный признает свою греховность, укрепляет и очищает им свою совесть и вступает на путь покаяния и очищения.

Напротив, у католика вера пробуждается от волевого решения: довериться такому-то (католически-церковному) авторитету, подчиниться и покориться ему и заставить себя при-

нять все, что этот авторитет решит и предпишет, включая и вопрос добра и зла, греха и его допустимости.

Потому у православного душа оживает от свободного умиления, от доброты, от сердечной радости, и тогда зацветает верою и со ответственными ей добровольными делами. Здесь благовестие Христа вызывает искреннюю любовь к Богу, а свободная любовь пробуждает в душе христианскую волю и совесть.

Напротив, католик постоянными усилиями воли понуждает себя к той вере, которую ему предписывает его авторитет.

Однако в действительности воле подчинены всецело только внешние телодвижения; в гораздо меньшей степени ей подчинена сознательная мысль; еще меньше жизнь воображения и повседневных чувствований (эмоций и аффектов). Ни любовь, ни вера, ни совесть воле не подчинены и могут совсем не отозваться на ее понуждения. Можно принудить себя к стоянию и поклонам, но невозможно вынудить у себя благоговение, молитву, любовь и благодарение. Только внешнее благочестие повинуетя воле, а оно и есть не более, чем внешняя видимость, или же, просто притворство. Можно принудить себя к имущественному пожертвованию; но дар любви, сострадания, милосердия не вынудим ни волею, ни авторитетом. За любовью, как земною, так и духовною, мысль и воображение следует сами собой, естественно и охотно; но воля может биться над ними всю жизнь и не подчинить их своему давлению. Из раскрытого и любящего сердца совесть, как голос Божий, заговорит самостоятельно и властно. Но дисциплина воли не ведет к совести; а покорность внешнему авторитету заглушает личную совесть окончательно.

Так разворачивается эта противоположность и непримиримость двух исповеданий; и нам, русским людям, необходимо продумать ее до конца.

Тот, кто будет строить религию на воле и покорности авторитету тот неизбежно должен будет ограничить веру умственным и словесным признанием, оставляя сердце холодным и черствым, заменяя живую любовь законничеством и дисциплиною, а христианскую доброту – похвальными, но мертвыми делами. И самая молитва превратится у него в бездушные слова и неискренние телодвижения. Тот, кто знает религию древнеязыческого Рима, тот сразу узнает во всем этом его традицию. Именно эти черты католической религии всегда испытывались русской душой как чуждые, странные, искусственно натянутые, неискренние. И когда мы слышим от православных людей, что в католическом богослужении есть внешняя торжественность, доводимая иногда до грандиозности и красоты, но нет искренности и тепла, нет смирения и горения, нет сущей молитвы, а потому и духовной красоты, то мы знаем, где искать объяснения этому.

Эта противоположность двух исповеданий обнаруживается во всем. Так, первая задача православного миссионера дать людям Св. Евангелие и богослужение на их языке и в полном тексте; католики держатся латинского языка, непонятного большинству народов, и воспрепятствуют верующим самостоятельное чтение Библии. Православная душа ищет непосредственного приближения ко Христу, во всем, от внутренней одинокой молитвы до приобщения Св. Тайн. Католик смеет думать и чувствовать о Христе только то, что ему позволит авторитетный посредник, стоящий между ним и Богом; и в самом приобщении он останется лишенным и умаленным, не приемля пресуществленного Вина и получая вместо пресуществленного Хлеба некую замещающую его облатку.

Тот, кто, продумав эти черты католицизма, обратится к Православной Церкви, тот увидит и поймет раз и навсегда, что самые глубокие традиции обоих исповеданий противоположны и несовместимы. Мало того, он поймет еще и то, что вся русская культура слагалась, крепла и расцветала в духе Православия и стала таковой, какова она была в начале XX века, прежде всего потому, что она не была католической. Русский человек верил и верит любовью, молится сердцем, свободно читает Евангелие; и авторитет Церкви помогает ему

в его свободе и научает его свободе, раскрывая ему духовное око, а не пугая его земными казнями во избежание потусторонних. Русская благотворительность и нищелюбие русских царей шли всегда от сердца и доброты. Русское искусство все целиком выросло из свободного сердечного созерцания: и парение русской поэзии, и мечты русской прозы, и глубина русской живописи, и искренний лиризм русской музыки, и выразительность русской скульптуры, и одухотворенность русской архитектуры, и прочувственность русского театра. Дух христианской любви проник и в русскую медицину, ее духом служения, бескорыстия, интуитивно целостного диагноза, индивидуализации пациента, братского отношения к страдающему; и в русскую юриспруденцию с ее исканием справедливости; и в русскую математику с ее предметной созерцательностью. Он создал в русской историографии традиции Соловьева, Ключевского и Забелина. Он создал в русской армии традицию Суворова, а в русской школе – традицию Ушинского и Пирогова. Надо увидеть сердцем ту глубокую связь, которая соединяет русскоправославных святых и старцев с укладом русской простонародной и образованной души. Весь русский быт иной и особенный, потому, что славянская душа укрепила свое сердце в заветах Православия. И самые русские инославные исповедания (за исключением католицизма) восприняли в себя лучи этой свободы, простоты, сердечности и искренности.

И.А. Ильин. О Православии и католичестве.

Являются ли католики еретиками?

На Константинопольских соборах католики были объявлены еретиками. На соборе 1848 года восточные патриархи сравнивали католицизм с арианством, по пагубному значению этих ересей. Католиков называли еретиками такие святые, как Феофан Затворник, Амвросий Оптинский, Иоанн Кронштадтский и другие.

В окружном послании Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем Православным христианам (1848 г.) говорится следующее.

«Из ересей, распространившихся, какими Бог, весть судьбами, в большей части вселенной, был некогда арианизм, а теперь – папизм. Но и сей последний (подобно первому, который уже совершенно исчез), хотя до ныне еще в силе, не превозможет до конца, а прейдет и низложится и великий глас небесный возгласит о нем: низложен (Откр. 12, 10)!

Новоявившееся учение, будто «Дух Святой исходит от Отца и Сына», измышлено вопреки ясному и нарочитому о сем предмете изречению Господа нашего: иже от Отца исходит (Ин. 15, 26), и вопреки исповеданию всей Соборной Церкви, засвидетельствованному семью вселенскими Соборами в словах «иже от Отца исходящаго» (Символ Веры).

1. Оно нарушает хотя единичное от одного начала, но иновидное происхождение Божеских Лиц блаженной Троицы, подтверждаемое свидетельством Евангелия.

2. Приписывает равносильным и споклоняемым Лицам (Божества) разнородные и неравные отношения, сливает их или смешивает.

3. Представляет как бы несовершенным, темным и неудачным состоявшееся прежде него исповедание единой, соборной и Апостольской Церкви.

4. Унижает святых отцов первого вселенского Собора и второго константинопольского, как будто они о Сыне и Духе Святом богословствовали несовершенно, будто те умолчали о столь важной особенности двух Лиц Божества, между тем как необходимо было изложить все божественные свойства против ариан и македонян.

5. Оскорбляет отцов третьего, четвертого, пятого, шестого и седьмого вселенских Соборов, которые вслух всей вселенной провозгласили Божественный Символ во всех отношениях совершенным и полным, и страшными прещениями и неразрешимыми заклятиями воспретили как себе, так и всем другим, всякое прибавление к нему и убавление, или изменение, или переставление в нем хотя бы одной йоты, – между тем как нужно было исправить его и дополнить, и таким образом изменить все богословское учение вселенских отцов, как будто открылось новое отличительное свойство в самих трех Лицах блаженной Троицы.

6. Прокрадывалось в Церквах западных сначала как волк в коже овчей, т. е. под наименованием не исхождения (tis ekproeuseos), по греческому выражению, употребленному в Евангелии и Символе, но под именем послания (tis apostolis), как оправдывался папа Мартин пред Максимом исповедником и как изъяснял это Анастасий при Иоанне VIII.

7. С грубой и неслыханной дерзостью коснулось самого Символа и изменило сей всеобщий залог Христианства.

8. Произвело столько смятений в мирной Церкви Божией и разделило народы.

9. При первом своем появлении всенародно отвергнуто двумя приснопамятными папами Львом III и Иоанном VIII, который в послании к блаженному Фотию назвал даже сообщниками Иуды тех, кто впервые внесли его в Символ.

10. Осуждено многими святыми Соборами четырех восточных Патриархов.

11. Подвергнуто анафеме, как нововведение и увеличение Символа, на (так называемом) восьмом вселенском Соборе, созванном в Константинополе для умирения Церквей восточных и западных.

12. Едва только успело явиться в западных Церквах, как или само породило гнуснейшие исчадия, или ввело с собою мало-помалу другие новизны – большей частью противоречащие ясно изображенным в Евангелии заповедям Спасителя нашего, тщательно соблюдавшимися, до его появления, и в тех Церквах, где оно введено, как то: кропление вместо погружения, отнятие у мирян Божественной Чаши и Причащение только под одним видом хлеба, употребление облаток и опресноков вместо хлеба квасного, исключение из Литургии благословения, т. е. Божественного призывания Всесвятаго и Всесовершающего Духа, – также нарушающие древние апостольские обряды соборной Церкви, как то: устранение крещаемых младенцев от Миропомазания и принятия пречистых Таин, брачных – от Священства, признание папы за лицо непогрешимое и за местоблюстителя Христова и прочие. Таким образом низвратило весь древний апостольский чин совершения почти всех таинств и всех церковных учреждений, – чин, который содержала древняя, Святая и Православная Церковь римская, бывшая тогда честнейшим членом святой, соборной и Апостольской Церкви.

13. Побудило своих защитников богословов Запада, за неимением для себя опоры ни в Писании, ни у отцов, прибегнуть к бесчисленным лжемудрованиям, не только к превратным толкованиям Писания, каких мы не находим ни у кого из отцов Святой, Соборной Церкви, но и к искажению священных и неприкосновенных текстов Божественных отцов восточных и западных.

14. Оказалось странным, неслыханным и богохульным еще и у прочих христианских обществ, которые, прежде его появления, по другим справедливым причинам, в течение веков отлучены от Соборной Церкви.

15. Несмотря на все труды и усилия своих защитников, ни против одного из приведенных нами доказательств доселе еще не могло в защиту свою привести хотя сколько-нибудь убедительное и основательное доказательство из Священного Писания или из отцов.

Такое учение носит в самом существе своем и свойствах все признаки учения неправославного; а всякое неправое учение, касающееся догмата соборной Церкви о блаженной Троице, о происхождении Божеских Лиц, равно как и об исхождении Святого Духа, есть и именуется ересью, а умствующие так – еретиками, по определению святейшего Дамаса, папы римского (который говорит так): «кто об Отце и Сыне мыслит право, а о Духе Святом неправо, тот еретик» (Испов. Соб. Вер., посланное папою Дамасом к епископу фессалонийскому Павлину). Посему Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь, следуя святым отцам восточным и западным, как древле при отцах наших возвещала, так и ныне вновь возвещает соборне, что сие нововведенное мнение, будто Дух Святой исходит от Отца и Сына, есть суцая ересь, и последователи его, кто бы они ни были, еретики, по упомянутому соборному определению святейшего папы Дамаса; составляющиеся из них общества, суть общества еретические, и всякое духовное богослужбное общение с ними православных чад соборной Церкви – незаконно, по силе особенно седьмого правила третьего вселенского Собора.

Ересь эта, со многими соединенными с нею нововведениями, как выше сказано, появившаяся около половины VII столетия, сначала неизвестная и безыменная, и под разными видами в продолжении четырех или пяти веков тайно распространявшаяся по епархиям европейского запада, потом, преодолев православие тех стран, по нерадению тогда бывших там пастырей и покровительству властей, мало-помалу ввела в заблуждение не только испанские, дотоле еще не православные Церкви, но и германские, и галликанские, и даже италийские, православие которых возвещалось некогда во всем мире, и с некоторыми часто сносились святейшие отцы наши, как то: Афанасий Великий и небоявленный Василий, и которых единение и общение с нами послужили к сохранению чистоты учения Соборной и Апостольской Церкви до Седьмого Вселенского Собора. Когда же, завистью нена-

вистника добра, новизны касательно здравого и православного учения о Всесвятом Духе (на которого хула, по изречению Господа, не отпустится человеком ни в сей век, ни в будущий – Мф. 12, 31–32), – следовавшие одно за другим нововведения касательно Божественных Таинств, особенно же Таинства Спасительного Крещения, святости Причащения и Священства, когда сии несообразности, следуя непосредственно одни за другими, овладели самым старейшим Римом, тогда, она, приобретши знаменитость в Церкви, облеклась отличительным именем «папизма». Ибо из епископов Рима, именуемых папами, хотя некоторые вначале восстали против нововведения соборне, как то Лев III и Иоанн VIII (о коих упомянуто выше), и отвергли его пред лицом всей вселенной, но большая часть их преемников, обольстившись представляемыми им сею ересью, противными правилам Соборов, правами на преобладание над Церквями Божиими, и нашедши в том для себя много мирских выгод и много прибыли, измыслив единодержавие в соборной Церкви и единовластие в раздаянии даров Святого Духа, не только изменили бывшее у них древнее Богослужение, отсеки себя такими нововведениями от прочего древнего и истинно-христианского общества, но еще старались, не без постыдных ухищрений, как передает нам неложная история, увлечь за собою в отступничество от Православия и остальные четыре патриархии и поработить таким образом соборную Церковь хотениям и велениям человеческим».

Скажите мне, кто ваши святые, и я скажу вам какова ваша Церковь

Чтобы понять, что представляет собой та или иная христианская Церковь, достаточно, не касаясь даже вероучения, посмотреть на ее святых. Дерево узнается по плодам, любая Церковь объявляет святыми тех, которые воплотили ее идеал в своей жизни. Поэтому канонизация кого-либо является свидетельством Церкви не только о христианине, который предлагается ею в качестве примера для подражания, но и, прежде всего, свидетельством данной Церкви о самой себе. По ее святым точнее всего можно судить о действительной или мнимой святости самой Церкви.

Сейчас, прежде всего, сопоставим духовное состояние святых самой крупной христианской церкви – католической, с православными святыми.

Одним из столпов католической святости является Франциск Ассизский (XIII в.). Его духовное самосознание достаточно ясно открывается из следующих фактов. Однажды Франциск долго молился (чрезвычайно показателен при этом предмет молитвы) «о двух милостях»: «Первая – это чтобы я... мог... пережить все те страдания, которые, Ты, Сладчайший Иисусе, испытал в Твоих мучительных страстях. И вторая милость... – это, чтобы... я мог почувствовать... ту неограниченную любовь, которую горел Ты, Сын Божий». Как видим, Франциска беспокоило не чувство своей греховности, присущее всем святым, у него отчетливо просматриваются откровенные претензии на равенство с Христом в Его страданиях и в Его любви! Во время этой молитвы Франциск «почувствовал себя совершенно превращенным в Иисуса» И с ним произошло то, чего не знала вся история Церкви – у Франциска появились болезненные кровоточащие раны (стигмы) – следы «страданий Иисусовых»⁷.

Здесь следует отметить, что природа этих стигм хорошо известна в психиатрии. Непрерывная концентрация внимания на крестных страданиях Христа чрезвычайно возбуждает нервы и психику человека и при длительных упражнениях может вызывать это явление. Ничего сверхъестественного, чудесного здесь нет. Нет в таком сострадании (*compassio*) Христу и той истинной любви, о существовании которой Господь прямо сказал: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Ин. 14, 21). Напротив, подмена борьбы со своими греховными страстями мечтательными переживаниями «сострадания» является одной из тяжелейших ошибок в духовной жизни, которая приводила и приводит аскетов к самонимению, гордыне – очевидной прелести, нередко связанной с прямыми психическими расстройствами (ср. «проповеди» Франциска птицам, волку, горлицам, змеям... цветам, его благоговение перед огнем, камнями, червями). Не удивительно поэтому и поползновение Франциска искупать грехи других людей в подражание Христу.

Очень показательна и цель жизни, которую поставил перед собой Франциск: «Я трудился и хочу трудиться... потому что это приносит честь»⁸. Не потому ли в конце жизни он откровенно сказал: «Я не сознаю за собой никакого прегрешения, которое не искупил бы исповедью и покаянием»⁹. Все это свидетельствует о невидении им своих грехов, своего недостойнства перед Богом, то есть о полной духовной катастрофе.

Для сравнения приведем предсмертный момент из жизни преподобного Сисоя Великого (V в.). «Окруженный в момент своей смерти братией, в ту минуту, когда он как бы беседовал с невидимыми лицами, Сисой на вопрос братии: «Отче, скажи нам, с кем ты ведешь

⁷ Лодыженский М.В. Свет Незримый. СПб., 1915. С. 109.

⁸ Святой Франциск Ассизский. Сочинения. М., изд. Францисканцев. 1995. С. 20; 145.

⁹ Лодыженский М.В. Свет Незримый. СПб., 1915. С. 129.

беседу?» – отвечал: «Это Ангелы пришли взять меня, но я молюсь им, чтобы они оставили меня на короткое время, чтобы покаяться». Когда же на это братия, зная, что Сисой совершен в добродетелях, возразила ему: «Тебе нет нужды в покаянии, отче», – то Сисой ответил так: «Поистине я не знаю, сотворил ли я хоть начало покаяния моего»¹⁰. Это глубокое видение своего несовершенства является главной отличительной чертой всех истинных святых.

А вот выдержки из записок блаженной Анжелы (XIII–XIV в.)¹¹.

Дух Святой, – пишет она, – говорит ей: «Дочь Моя, сладостная Моя... очень Я люблю тебя» (с. 95): «Был я с апостолами, и видели они Меня очами телесными, но не чувствовали Меня так, как чувствуешь ты» (с. 96). И такое открывает о себе Анжела: «Вижу я во мраке Святую Троицу, и в самой Троице, Которую вижу я во мраке, кажется мне, что стою я и пребываю в середине Ее» (с. 117). Свое отношение к Иисусу Христу она выражает, например, в таких словах: «могла я всю себя ввести внутрь Иисуса Христа» (с. 176). Или: «Я же от радости Его и от скорби об отшествии Его кричала и хотела умереть» (с. 101) – при этом она в ярости так начинала бить себя, что монахини вынуждены были уносить ее из костела (с. 83).

Резкую, но верную оценку «откровений» Анжелы дает один из крупных русских религиозных мыслителей XX-го века А. Ф. Лосев. Он пишет, в частности: «Соблазненность и прельщенность плотью приводит к тому, что Святой Дух является блаженной Анжеле и нашептывает ей такие влюбленные речи: «Дочь Моя, сладостная Моя, дочь Моя, храм Мой, дочь Моя, услаждение Мое, люби Меня, ибо очень люблю Я тебя, много больше, чем ты любишь Меня». Святая находится в сладкой истоме, не может найти себе места от любовных томлений. А возлюбленный все является и является и все больше разжигает ее тело, ее сердце, ее кровь. Крест Христов представляется ей брачным ложем... Что может быть более противоположно византийско-московскому суровому и целомудренному подвижничеству, как не эти постоянные кощунственные заявления: «Душа моя была принята в несотворенный свет и вознесена», – эти страстные взирания на Крест Христов, на раны Христа и на отдельные члены Его Тела, это насильственное вызывание кровавых пятен на собственном теле и т. д., и т. п.? В довершение всего Христос обнимает Анжелу рукою, которая пригвождена ко Кресту, а она, вся исходя от томления, муки и счастья, говорит: «Иногда от теснейшего этого объятия кажется душе, что входит она в бок Христов. И ту радость, которую приемлет она там, и озарение рассказать невозможно. Ведь так они велики, что иногда я не могла стоять на ногах, но лежала и отнимался у меня язык... И лежала я, и отнялись у меня язык и члены тела»¹².

Яркой характеристикой католической святости является Катарина Сиенская (XIV в.), возведенная папой Павлом VI в высший разряд святых – в «Учители Церкви». Зачитаю о ней несколько выписок из католической книги Антонио Сикари «Портреты святых»¹³, изданной на русском языке. Цитаты не потребуют комментариев (выделено мной).

Екатерине было **около 20 лет**. «Она чувствовала, что в ее жизни должен произойти решающий перелом, и продолжала истово молиться Своему Господу Иисусу, повторяя ту **прекрасную, нежнейшую формулу**, которая стала для нее привычной: «**Сочетайся со мной браком в вере!**» (с.11).

«Однажды Екатерина увидела видение: ее божественный Жених, **обнимая, привлекал ее к Себе**, но потом взял из ее груди сердце, чтобы дать ей другое сердце, более похожее на Его собственное» (с.12).

¹⁰ Лодыженский М.В. Свет Незримый. СПб., 1915. С. 133.

¹¹ Откровения блаженной Анжелы. М., 1918.

¹² Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930. Т. 1. С. 867–868.

¹³ Антонио Сикари. Портреты святых. Т. II. Милан, 1991.

Однажды сказали, что она умерла. «Она сама говорила впоследствии, что **ее сердце было растерзано силой божественной любви** и что она прошла через смерть, «узрев райские врата». Но «вернись, дитя Мое, – сказал мне Господь, тебе нужно вернуться... Я приведу тебя к князьям и властителям Церкви». «И смиренная девушка начала рассылать по всему свету свои послания, длинные **письма, которые она диктовала с поразительной быстротой, часто по три или по четыре одновременно и по разным поводам, не сбиваясь и опережая секретарей**» (с. 12).

«В письмах Екатерины бросается в глаза прежде всего частое и настойчивое повторение слов: **«Я хочу»** (с. 12). «Некоторые говорят, что **решительные слова «я хочу» она в состоянии экстаза обращала даже к Христу**» (с. 13).

Из переписки с папой Григорием XI, которого она убеждала вернуться из Авиньона в Рим: **«Говорю вам от имени Христа... Я говорю вам, отче, в Иисусе Христе... Ответьте на зов Святого Духа, к вам обращенный»** (с. 13).

Правителю Милана она пишет «о папе, которому она доверена (**«Даже если бы он был дьяволом во плоти, я не должна возносить главу против него»**)» (с. 13).

«А к королю Франции обращается со словами: **«Творите волю Божью и мою»** (с. 14).

Не менее показательны «откровения», также возведенной папой Павлом VI в «Учителю Церкви» Терезы Авильской (XVI в.). Перед смертью она восклицает: «О, Бог мой, **Супруг мой**, наконец-то я Тебя увижу!» Этот в высшей степени странный возглас не случаен. Он – закономерное следствие всего «духовного» подвига Терезы, существо которого открывается в следующем печальном факте.

Она настолько увлеклась «откровениями», что не увидела дьявольского обмана даже в таком безобразном видении, как следующее:

После многочисленных своих явлений «христос» говорит Терезе: **«С этого дня ты будешь супругой Моей... Я отныне не только Творец твой, Бог, но и Супруг»**¹⁴. «Господи, или страдать с Тобой, или умереть за Тебя!» – молится Тереза и падает, – пишет Д. Мережковский, – в изнеможении под этими ласками...» (далее не могу цитировать). Не приходится поэтому удивляться, когда Тереза признается: «Душу зовет Возлюбленный таким **пронзительным свистом**, что нельзя этого не услышать. Этот зов действует на душу так, что она изнемогает от желания». Не случайно известный американский психолог Вильям Джеймс, оценивая ее мистический опыт, писал, что «ее представления о религии сводились, если можно так выразиться, к бесконечному любовному флирту между поклонником и его божеством»¹⁵.

Валаамский старец схиигумен Иоанн дает такую оценку ее духовному состоянию: «Страстный вместо обожения будет мечтатель, подобно католической Терезе»¹⁶.

Еще одной иллюстрацией святости в католицизме является Тереза из Лизье (Тереза Маленькая, или Тереза Младенца Иисуса), которая в 1997 году, в связи со столетием со дня ее кончины, была объявлена «непогрешимым» решением папы Иоанна Павла II еще одним Учителем Вселенской Церкви. Вот несколько цитат из духовной автобиографии Терезы, прожившей всего 23 года, красноречиво свидетельствующие о ее духовном состоянии (Повесть об одной душе. Париж. 1996. //Символ. № 36).

«Во время собеседования, предварившего мой постриг, я поведала о делании, которое намеревалась совершить в Кармеле: **«Я пришла спасать души** и прежде всего – молиться за священников». Еще не спасши себя, она пришла уже спасать других!

¹⁴ Мережковский Д.С. Испанские мистики. Брюссель, 1988. С. 88.

¹⁵ Джеймс В. Многообразие религиозного опыта. /Пер. с англ. М., 1910. С. 337.

¹⁶ Валаамский старец схиигумен Иоанн (Алексеев). Письма о духовной жизни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. С. 268.

Говоря, кажется, о своем недостойнстве, она тут же пишет: «Я неизменно храню дерзновенное упование на то, что **стану великой святой**... Я думала, что рождена для славы и искала путей к ее достижению. И вот Господь Бог... открыл мне, что моя слава не будет явлена смертному взору, и суть ее в том, что **я стану великой святой!**» (ср.: Макарий Великий, которого сподвижники за редкую высоту жизни называли «земным богом», лишь молился: «Боже, очисти мя грешного, яко николиже сотворих благое пред Тобою»). Позднее Тереза высказывается еще более откровенно: «**В сердце моей Матери-Церкви я буду Любовью**... тогда я буду всем... и **через это моя мечта осуществится!**»

В высшей степени показательное учение Терезы о духовной любви: «**Это было лобзание любви**. Я чувствовала себя любимой и говорила: «Я люблю Тебя и вверяю Тебе себя навеки». Не было ни прошений, ни борьбы, ни жертв; **уже давно Иисус и маленькая бедная Тереза, взглянув друг на друга, поняли все**... Этот день принес не обмен взглядами, а слияние, когда больше не было двух, и Тереза исчезла, словно капля воды, потерявшаяся в океанских глубинах». Едва ли требуются комментарии к этому мечтательному роману бедной девушки, которую католическая церковь, увы, называет своим Учителем.

На методическом развитии воображения основывается религиозный опыт одного из столпов католической мистики, родоначальника ордена иезуитов Игнатия Лойолы (XVI в.).

Его книга «Духовные упражнения», являющаяся настольной в католических монастырях, настойчиво призывает христианина **представить себе, вообразить** Святую Троицу и беседу Трех Лиц, Христа, Богородицу, Ангелов и т. д. Всё это решительно запрещается святыми Вселенской Церкви. Они свидетельствуют, что когда подвижник вместо исполнения заповедей Христовых и борьбы со своими страстями начинает жить своими фантазиями, просматривать в себе собственные «фильмы», верить им, то он приходит к полному духовному и душевному расстройству.

Авторитетный сборник аскетических писаний древней Церкви «Добротолюбие» решительно запрещает такого рода «духовные упражнения». Вот несколько высказываний оттуда.

Преподобный Нил Синайский (V в.) предупреждает: «Не желай видеть чувственно Ангелов или Силы, или Христа, чтоб с ума не сойти, приняв волка за пастыря, и поклонившись врагам-демонам»¹⁷.

Преподобный Симеон Новый Богослов (XI в.), рассуждая о тех, кто на молитве «воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых», прямо говорит, что «это есть знак прелести». «На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими и подобное»¹⁸.

Преподобный Григорий Синаит (XIV в.) напоминает: «Никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или Ангела, или святого какого... Приемлющий то... легко прельщается... Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть... но паче похваляет его, как мудрого»¹⁹.

Как прав был тот помещик (о нем пишет свт. Игнатий Брянчанинов), который, увидев в руках своей дочери католическую книжку «Подражание Иисусу Христу» Фомы Кемпийского (XV в.), вырвал у нее из рук со словами: «Прекрати играть с Богом в роман». Вышеприведенные примеры не оставляют сомнений в справедливости этих слов. К великому сожалению, католицизм перестал, как видим, отличать духовное от душевного, свя-

¹⁷ Преп. Нил Синайский. 153 главы о молитве. Гл. 115. Добротолюбие: В 5 т. Т. 2. М., 1884. С. 237.

¹⁸ Преп. Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы. Добротолюбие. Т. 5. М., 1900. С. 463–464.

¹⁹ Преп. Григорий Синаит. Наставление безмолвствующим. Там же. С. 224

тость от мечтательности – Христа от фантазии. Это самое большое препятствие в принятии такой веры.

Профессор Московской духовной академии А.И. Осипов. Из лекции, прочитанной в Сретенском училище 13.09.2000.

Одним ли путем идем?

*Я создам Церковь мою,
И врата ада не одолеют ее.
Мф. 16, 18*

Из малого семени – из горстки людей, собравшихся некогда в Сионской горнице для восприятия даров Святого Духа, – выросло величественное древо Церкви Христовой.

Несметное множество священных книг христианства создавалось, начиная от устных преданий апостольских, продолжало и продолжает создаваться самими житиями святых подвижников Божиих, их Богодухновенными творениями и Богоугодными деяниями. Так возрастает и украшается древо Святой Церкви!

Но вечно обновляясь и питаясь все новыми живительными соками, Церковь Христова в сокровенной сути своей остается той же, какой была в апостольские времена. Никаких «новшеств», никаких «переосмыслений», никакого фальшивого «прогресса» не может быть в учении и Таинствах, завещанных нам Самим Сыном Божиим и Самовидцами Слова – ближайшими Его учениками. Православная Церковь потому именуется Апостольской, что со времен первохристианских свято хранит не только книги Нового Завета, но и память устных повествований и заветов первых христиан, по слову апостольскому: стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим (2 Фес. 2, 15). Это бесценное богатство может быть приумножено трудами благочестивых людей – но малейшие изъятия и искажения здесь преступны, ибо Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же (Евр. 13, 8–9).

И к приумножениям сокровищницы своих духовных богатств Православная Церковь всегда относилась крайне осторожно. Мнения о главных вопросах веры и Богослужения могли высказывать лишь те христиане, чистота жизни, добродетели и благочестие которых были вне всяких сомнений. Но и их утверждения не принимались слепо, ибо, кроме Единого Безгрешного, среди людей нет и не может быть непогрешимых, и достойнейшие способны заблуждаться. Свои догматы, каноны и обрядность Церковь не доверяла отдельным лицам, но поверяла Соборным своим разумом, руководимым Духом Святым.

Соборность Православной Церкви обуславливает Святость ее. Эта нерушимая Святость – не в качествах отдельных ее служителей; могут оказаться недостойными некоторые священники, впасть в нечестие или ересь епископ, даже Патриарх Поместной Церкви (и такие случаи бывали). Но Полнота Святой Церкви, Глава которой – Христос, Соборным разумом отсекает недостойных служителей и – движется далее, в вечность.

Сейчас в мире множество сообществ, именующих себя «христианскими церквями». Здесь и римо-католики, и баптисты, и квакеры, и «Богородичный Центр», и прочая, и прочая – и все заывают к себе, выкликая: «Истина и спасение только у нас!» Голос Православной Церкви в разноголосице всех этих «христианств» кажется самым тихим и смиренным. Но не в кротости и не в смирении ли совершается священное дело Божие?

Кому-то может показаться, что все конфессии, «исповедующие одного Христа», как бы дополняют друг друга, им не о чем спорить.

Нет! Не «одного Христа» исповедуют верный и отступник, православный и сектант. Господь наш Иисус Христос – Глава Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем (Еф. 1, 23). Одна Глава – Одно Тело, кощунственно утверждать, что Спаситель имеет несколько тел. И лишь наша Мать-Церковь – Святая, Соборная и Апостольская – сохранила неповрежденным учение Христово, к ней относятся слова Спасителя: «учите народы соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф.

28, 20), и лишь православные христиане могут оказаться достойными похвалы апостольской: «Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам» (1 Кор, 11,2).

Размножение псевдохристианских учений есть дело рук сатаны. Это по его злой воле много лжепророков появилось в мире (1 Ин. 4, 1). Преступное нерадение о святине – плохое знание Священного Писания, невежество в вопросах догматики и церковной истории – мешает людям распознавать горькие плоды отступничества, смертоносные яды ересей.

Льстивый диавол подчас соблазняет человека примешать к Божественному Откровению толику собственных умствований. И как бы ни незначительно казалось искажение правого учения Господня, сделанное надмевающимся людским рассудком, оно ведет к губительным последствиям. Еще в первые века христианства разноликие еретики пытались столкнуть Церковь на путь гибели, но доблестные отцы Семи Вселенских Соборов одно за другим ниспровергали лжеучения, одновременно вырабатывая неколебимые устои церковных догматов и канонов. Трудami святоотеческими единство Вселенской Церкви оставалось нерушимым вплоть до XI века.

Первым крупным шагом отступления явился так называемый Великий раскол 1054 года, учиненный латинством.

Великий раскол порою представляют так, будто Вселенская Церковь разделилась на две – Восточную и Западную, каждая со своей правдой. Но нет, не так – это гордый Рим откололся от Вселенского Православия.

Расхождения начались с «маленькой поправки», которую Рим позволил себе внести в утвержденный Вселенскими Соборами Символ веры, где каждое слово – весомее тысяч книжных томов. Это было пресловутое «филиокве» – понятие об исхождении Святого Духа «и от Сына», которое они самовольно добавили в Символ Веры. Это было грубое вмешательство человеческого мудрования в таинственнейшее учение о Святой Троице, ничего подобного не было ни в Священном Писании, ни в Священном Предании. Вселенская Церковь единодушно отвергла «филиокве».

С догматическим отступлением сочеталась властолюбивая гордыня некоторых римских епископов, дошедших до объявления Главою Вселенской Церкви не Господа Иисуса Христа, а самих себя – якобы «наместников Бога на земле». Попытки пап захватить абсолютную власть над Церковью, несовместимые с апостольскими заветами, были отвергнуты святыми Востока.

Свои претензии на абсолютную власть над Церковью папы стремятся обосновать тем, что «занимают престол первоверховного апостола Петра». Но достаточно внимательно ознакомиться с Новым Заветом – книгами Деяний и Посланий Апостольских, чтобы понять – святой апостол Петр никогда не являлся единоличным главой первохристианской Церкви, изначально Соборной. Важнейший вопрос тогдашней церковной жизни – о присоединении язычников – решался на Иерусалимском Апостольском Соборе, на котором первенствовал вовсе не апостол Петр, а святой апостол Иаков. Святость апостола Петра вовсе не означала его безгрешности, даже во время своего апостольского служения он по человеческой немощи «падал», и святому апостолу Павлу приходилось уличать его в лицемерии. Несовершенства Петра-человека вовсе не умаляют величие его апостольского и мученического подвига. Но, увы, многие из Римских пап, «преемников» апостола Петра на епископской кафедре, отнюдь не унаследовали его святости. 34-е Апостольское правило гласит: «Епископам всякого народа подобает знать первого из них. Но и первый ничего не творит без согласия всех. Так будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец и Сын и Святой Дух». Это правило святых апостолов, утверждающее Соборность Церкви, было попорано римскими первосвященниками.

Узурпировав единоличную церковную власть на Западе, папы в безмерной гордости потянулись и к светской власти: начали раздавать императорские короны, путем интриг и угроз ниспровергать и возводить на троны правителей европейских государств, снаряжать войска и развязывать войны. Из пастыря духовного римский первосвященник превратился в светского монарха, претендующего на всемирное господство. Так папский Рим оказался в сетях сатанинского соблазна. В начале XVII века в латинском требнике появилось обращение к папе, кощунственно и зловеще соединяющее в себе слова Спасителя к апостолу Петру и слова диавола, искушавшего Сына Человеческого: «Ты пастырь овец, тебе Бог передает все царства мира».

Попав в зависимость от произвола одного человека, от его страстей и прихотей, Западная Церковь начала стремительно удаляться от Божественного учения любви, завещанного людям Христом Спасителем. Преступления средневекового папства ужасающи. «Благословляемые» папой войска насаждали римо-католицизм огнем и мечом, проливая реки крови, истребляя целые народы – так, в Прибалтике «крестоносцами» был полностью уничтожен славянский народ пруссов. Среди преступлений папства «крестовый поход детей» – не сумев захватить Иерусалим силами рыцарских орденов, папа послал туда детей, заявив, что эти «ангелы Божии» отвоюют для него Гроб Господень. Десятки тысяч детей погибли, остальные были проданы в рабство сарацинам взрослыми «христианами» – рыцарями. По всей Европе пылали костры инквизиции. Любвеобильный Спаситель привлекал к Себе сердца учением доброты и кротости, а его лженаместник – папа – насаждал свою веру пытками и казнями. Процветала торговля индульгенциями – кощунственное «отпущение смертных грехов» за деньги. В то же время роскошь и разврат папского двора сделались «притчей во языцех», на папский престол восходили отравители, блудники, содомиты. Эти грязные страницы истории папства настолько общеизвестны, что когда в прошлом веке Рим дерзнул провозгласить «догмат папской непогрешимости», значительная часть римо-католиков отказалась принять подобную нелепость и образовала Старокатолическую Церковь.

В искажении основ христианской веры Рим не ограничился одним «филиокве». Папство лишило мирян причастия Крови Господней, а ведь Сын Человеческий обещал спасение лишь тем, кто приобщится и Плоти и Крови Его. Поруганием смирения и принижением земного подвига Пречистой Богородицы явился «догмат о непорочном зачатии Ее святой Анной», не подтверждаемый ничем, кроме новейших домыслов. Божественное Правосудие латиняне представляют себе в виде «бухгалтерски-юридического» расчета в мифическом «чистилище», где Бог якобы подвергает «непогибших» грешников длительным пыткам, прежде чем принять их в рай – как будто Вселюбящий Творец не может во мгновение ока просветлить способную к покаянию и очищению душу. В последнее время все большей «модернизации» подвергается и римский церковный обряд, мессы уже служатся под бренчание гитары.

Во все века папство стремилось сломить и поработить Православие. Коварство Рима привело к падению православной Византийской империи – в начале XII века папские «крестоносцы», шедшие «освободить Гроб Господень», вместо этого разграбили и сожгли Константинополь, от этого удара Византия так и не оправилась. Много страданий принесли латинские козни и православной Руси. Немногие знают, что советником хана Батыея в нашествии на Русь был римо-католик, рыцарь Альфред фон Штумпенхаузен. Известны постоянные набеги «крестоносцев» на землю Русскую, вторжение «псов-рыцарей», которым противостали дружины святого благоверного князя Александра Невского. Вследствие римо-католических интриг Русь умылась кровавыми слезами в начале XVII века, в годину Смутного времени. В 1812 году «добрые католики» наполеоновских орд варварски надругались над святынями Москвы. Во время господства римо-католической Польши над Украиной была уничтожена древняя культура украинского народа, насильственно внедрена фальшивая

«уния» с Римом – превращение православных славян в «латинян второго сорта». Происками иезуитов подготовлено и нынешнее разрушение славянского единства. С конца прошлого века латинские «пастыри» усиленно разжигают на Украине неприязнь к «москалям» – а ведь нынешние русские, украинцы и белорусы всего несколько веков назад составляли единый народ и находятся в ближайшем кровном родстве. Во многом обусловлено папскими интригами и теперешнее плачевное положение многострадальной Украины, не только истощаемой черныбыльской радиацией, но и духовно гибнущей от церковных расколов.

Столь горькие плоды принесли в Западной Церкви сделанные тысячелетие тому назад два «маленьких» отступления в вопросах догматики и церковного управления. Но едва ли не тяжелейшим следствием римской апостасии явился Западный раскол XVI века, означавший лавинообразное умножение еретических сект.

Митрополит Владимир (Иким). Врата покаяния. М., 2010.

Ересь протестантизма

Вторым огромным шагом в отступлении от Божественной Истины стало появление протестантизма. Само слово «протестантизм» означало протест против нечестия средневекового папства. Протест этот был совершенно оправдан, ибо деяния тогдашнего Рима никак не совмещались с духом христианства. Конечно, жаждающим истинной веры Христовой следовало обратиться лицом к Востоку, где Православная Церковь свято хранит Божественное учение любви и заветы апостольские. Но папству удалось распространить на Западе повсеместное предубеждение против «варварского» Востока. И протестантизм, вместо того чтобы преодолеть римское отступление, только усугубил отход от правого учения. Ополчившись на пороки папства, протестантизм в то же время отверг и те Божественные дары, которые, несмотря ни на что, продолжала хранить Римская Церковь.

У протестантов не нашлось ни благочестивых вождей, ни мудрых учителей. К несчастью, самым громким из голосов, возвысившихся против злоупотреблений папства, оказался голос Мартина Лютера. Он не только справедливо обличил инквизицию и торговлю индульгенциями, отказался подчиняться папе. Этот самоуверенный человек решил вообще «начать с нуля», объявив «нечестивой и языческой» многовековую историю существовавшей до него Церкви Христовой. Это было безумием! Неужели Церковь Божия, столп и утверждение истины (1 Тим. 3, 15), со времен Христовых полтора тысячелетия лежала в пыли и прахе, ожидая «пришествия» Лютера?

Да, нужно отдать должное мужеству Лютера в его борьбе с папизмом, однако прочие его качества были далеки от апостольских. Лютер был человеком сомнительной нравственности: чревоугодником, любителем крепких напитков и скабрёзных шуток, далеким от смирения и целомудрия, вспыльчивым и необузданным в гневе. Лютер был клятвопреступник: он и сам попрал данный им Господу иноческий обет, и вовлек в тот же страшный грех женщину – похитил из обители монахиню и вступил с ней в кощунственный «брак».

Другой «основоположник» протестантизма, Гильом Фарель, вместе со своими вооружёнными сообщниками врывался в храмы во время Литургии – они издевались над священниками, уничтожали иконы, разгоняли верующих. Чувствуя свою умственную неспособность создать какое бы то ни было связное учение, Фарель призвал в Швейцарию, где он орудовал, молодого «религиозного мыслителя» Жана Кальвина.

Кальвин превзошел своего учителя. За попытку критики «учителя Кальвина» людей пытали, просверливали язык раскаленным железом и казнили. Своего идейного противника, мистика Мигеля Сервета, «антипапист» Кальвин пытался выдать папской инквизиции, а затем сжег его на костре. Что общего могло быть у людей, подобных Лютеру, Кальвину, Фарелю, с учением чистоты и любви, преподанным Христом Спасителем? Единым росчерком пера «основоположники» протестантизма перечеркнули хранящиеся в Священном Предании апостольские заветы, предали забвению кровь мучеников за святую веру, подвиги и творения духоносных отцов Церкви – и все это подменили собственными домыслами. На учениях Лютера и Кальвина ныне основываются бесчисленные разновидности евангелизма и баптизма. Объявив о «свободе каждого трактовать Библию», протестанты разнуздали лукавый человеческий рассудок. Их последователи стали приступать к толкованию Священного Писания в нечистоте поступков и помыслов, с умом, омраченным гордыней и своеволием. Результат известен: сейчас в мире более тысячи протестантских сект, каждая со своими лжеучителями, каждая дерзает на свой лад интерпретировать Божественное Откровение.

В чем же проявилось отступление сектантов от учения Христа Спасителя, святых апостолов и учителей Церкви?

Сектанты противятся полноте Священного Предания, оставляя для пользования и произвольных толкований только Библию.

Протестанты отвергают апостольское учение о Таинствах и обряде, повествование о действиях Промысла Божия в истории Церкви, Богодухновенные творения и молитвословия святых отцов, как будто действие Духа Святого прекратилось в первый же век христианства и Вседержитель уже не присутствует в мире, искупленном Кровью Сына Человеческого.

Со времен Христовых святые учителя Церкви передавали Священное Предание друг другу, оберегая святыню от искажений; учение апостольское переходило от народа к народу, преодолевало века и тысячелетия и в первоизданном виде хранится Православной Церковью. Если человечество помнит свою историю по трудам древних летописцев, то как не доверять хранителям Священного Предания – избранникам Божиим, многие из которых жизнь положили за веру Христову.

Сама Библия, Священное Писание, представляет собой лишь часть Священного Предания, его основу. Сектанты выставляют себя знатоками Библии – но даже слова Спасителя и апостольские эти лжеумудрецы толкуют вкривь и вкось, упрямо не замечая того, что прямо обличает их духовную слепоту. А ведь Новый Завет есть священное сокровище Православной Церкви – в III веке святые отцы Церкви выделили из всего огромного свода древнехристианских писаний, среди которых было немало подложных и еретических, истинно Богодухновенные книги, и так составился Новозаветный канон.

И вот сектанты, воровски похитившие Новый Завет у Святой Церкви, селятся обратить букву Писания против Полноты Православия. Они выпали из живой жизни христианства, и для большинства из них Новый Завет представляет собой лишь безжизненный безблагодатный «моральный кодекс», свод сухих нравственных правил. Сам Сын Человеческий ничего не писал. Книги о Его жизни и учении были созданы впоследствии святыми евангелистами и апостолами. Но и их творения, конечно, не могли вместить того, что если бы писать о том подробно, то... и самому миру не вместить бы написанных книг (Ин. 21, 25). Потому, по завету апостольскому, верным было заповедано держаться не только Писания, но и Предания, «которым вы научены» или словом или посланием нашим (2 Фес. 2, 15). Кроме этого, первые христиане многое из учения были вынуждены держать втайне, чтобы святыню «не потоптали» враги Церкви Христовой. Древние израильтяне, будучи свободным народом и имея возможность защитить святыню от поругания, записывали все, что касалось обряда.

Отступив от учения Церкви о Таинствах, зачинатели протестантизма отказались от спасительной благодати Божией, преградили своим последователям путь в Царствие Небесное. Страшные и Животворящие Дары Плоти и Крови Господней, о которых недвусмысленно говорит Спаситель, без причастия которых не спасется ни один человек, суемудрые еретики пытаются представить «знаками» и «символами». Но иначе и не могут поступать эти лжеучители, ибо среди них нет ни одного, кто имел бы право совершать Божественные Таинства.

В безумии своем основатели протестантизма разорвали апостольскую преемственность священнослужения. Лютер заявлял: «Священство есть принадлежность всех христиан». Многих ли Спаситель послал «учить и крестить», многим ли даровал право «вязать и разрешать»? Только избранным апостолам Христовым было вверено святое дело Благовествования, им Духом Святым была сообщена благодать для совершения Таинств и передачи этого благодатного дара преемникам с возложением рук священства (1 Тим. 4, 14). Самый скромный священник Православной Церкви через непрерывную передачу рукоположений ведет свое духовное родословие от одного из апостолов Христовых, и не от личных достоинств священника зависит дарованная ему благодать служения – Таинства совершаются видимо его руками, но незримо – Силой Божией.

Сами духовно немощные, сектанты дерзают отрицать почитание святых Божиих.

Величайших святых и пророков знал еще Ветхий Завет. По слову пророка Илии растворялись и затворялись небеса, длилась засуха или проливался дождь. От прикосновения к костям пророка Елисея воскрес мертвец. Иисус Навин своим прошением остановил солнце. О праведниках Нового Завета говорит Спаситель в молитве к Небесному Отцу: «Отче... славу, которую Ты дал Мне, Я дам им» (Ин. 17, 21–22). Так неужели же с пришествием Сына Божия в мире иссякла или умалилась святость? Подобное утверждение – кощунство. И Православная Церковь следует завету апостольскому: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7). Истинные христиане есть сограждане святым и свои Богу (Еф. 2, 19), потому что прибегают к помощи и предстательству святых угодников Господних перед Престолом Всевышнего.

Упрямые еретики доходят до того, что не принимают поклонения Матери Божией.

Может ли кто-то надеяться на благосклонность даже обычного порядочного человека, если без уважения относится к его матери? Так как же сектанты надеются получить благоволение Сына Человеческого, отказывая в поклонении Пречистой Матери Его? Как эти лжезнатоки Евангелия не замечают обращенного к Ней приветствия ангельского: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами» (Лк. 1, 28), и ответа Ее: «Отныне будут ублажать Меня все роды; что сотворил Мне величие Сильный» (Лк. 1, 48–49)?

Невыносимо для сектантов почитание Святого Креста. «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия (1 Кор. 1, 18)», – говорит святой апостол Павел. Крест для православного христианина – Жертвенник, обогранный Пречистой Кровью Спасителя. По слову Самого Господа, клянущийся жертвенником клянется им и всем, что на нем (Мф. 23, 20) – таким образом, хулящие Крест сектанты изрыгают хулу на Распятого Спасителя.

Сектанты в неразумии своем обвиняют Православную Церковь в идолопоклонстве за поклонение святым иконам.

Разве Ковчег Завета²⁰ не был внешне вещественен, не был сделан человеческими руками из дерева, металла, ткани? Однако недостойно прикасавшихся к этой святыне Господь карал смертью. Во Святой Святынь Иерусалимского храма находились рукотворные изображения Херувимов – кто бы дерзнул назвать их идолами?

Сын Божий сошел на землю, облекшись в вещество, в человеческую плоть. Спаситель дозволил смертным видеть и слышать Себя, осязать Свои раны, Богочеловек явил миру Свой Лик не для того, чтобы христиане забыли Пречистый Его Образ.

Мы дорожим фотографиями любимых нами людей и полученными от них памятными вещицами. Неужели любовь христиан к Спасителю могла быть так мала, что они не берегли бы Его изображений?

Дважды дарил Иисус Христос людям нерукотворные Свои изображения – властителю Авгарю за благочестивое рвение и святой Веронике по пути на Голгофу. Протестанты, конечно, не верят в это, как и во многие другие чудеса Господни. Но вот: в новейшее время миру явлен еще один нерукотворный Образ Спасителя, чудесно запечатлевшийся на Туринской Плащанице. Даже ученые-материалисты, придирчиво исследовавшие Плащаницу, были вынуждены признать подлинность и «необъяснимость» этой величайшей святыни, некогда обвинявшей Тело Господа после Распятия. Образ на Плащанице можно смело назвать «фотографией» Иисуса Христа. И здесь видится еще одно чудо: этот Пресвятой Образ в точности подобен изображениям Спасителя на большинстве православных икон.

²⁰ Ковчег Завета, или Ковчег Откровения (Свидетельства) – согласно Библии – ковчег, в котором хранились каменные Скрижали Завета с Десятью заповедями (Втор. 10, 2) – величайшая святыня еврейского народа (прим. составителя).

Сравнивать священные изображения с идолами, как это делают сектанты, есть богохульство. Нет, не «доскам и краскам» поклоняются православные христиане перед святыми иконами, но через созерцание образов устремляются духом к Небесным первообразам. Более того: как на Ковчеге Завета почивала сила Божия, так же и на священных предметах, чтимых Церковью, почивает дух Господень и святых Его, от них струится неиссякаемый поток чудотворений.

С лукавым неверием относятся сектанты и к чудесам от святых икон, и к чудесам, истекающим от мощей святых Христовых, как некогда от костей пророка Елисея. Православие представляет собою целую вселенную, воспитывающую для служения Богу и душу, и тело верующего, охватывающую всю его жизнь. Закаляющее плоть воздержание, выжигающее скверну греха покаяние, возвышенная радость праздников Господних, благолепие храмов, святые образа, вдохновенные песнопения и молитвы, кадильный фимиам – все устремлено к тому, чтобы помочь человеку обрести путь в Горня. Лукаво мудрствующие сектанты отказались от большей части сокровищ Церкви Христовой. Образовавшаяся пустота могла быть заполнена только ложью.

Многие сектанты «учат об оправдании верой» – дескать, только веры во Христа достаточно для обретения «места в раю». О подобных «христианах» святитель Нил Ярославский замечает: «По их мнению, только думай о Господе благопристойно – и хорош будешь». Какой соблазн для духовных лодырей, коснеющих в скверне греха и в то же время вздыхающих о «духовности»! Может ли быть «оправдание» одной верой? Ведь и падшие духи веруют, более того – они трепещут, твердо зная о бытии Правосудного Всемогущего Господа. Христиане призваны подражать Спасителю, а Господь наш Иисус Христос молился до кровавого пота, постился сорок дней в пустыне, изнуря земное Тело Свое. Молитвенный труд и подвиг поста сделались насущным духовным хлебом для апостолов Христовых и для всех, хотящих следовать по Его стопам. По слову Господню, Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11, 12). Сектанты же, пропагандируя «облегченное христианство», заманивают людей на «широкий путь», ведущий к гибели.

«Один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф. 4, 5), – сказано в Священном Писании. Едино Тело Христово, Святая Церковь Православная. В старину на Руси существовал прекрасный благочестивый обычай: во время сильных буранов не умолкали церковные колокола, чтобы заблудившийся путник мог услышать благовест и понять – близко жилье, близка помощь, близко спасение. Вот так же среди любых житейских бурь Мать-Церковь призывает заблудших в свои объятия, чтобы они обрели мир и покой.

Митрополит Владимир (Иким). Врата покаяния. М., 2010.

Только верую?

Чтобы увидеть существо протестантизма и понять, в чем он принципиально расходится с Православием и почему невозможно принять эту веру, достаточно обозначить главное его утверждение: «Человек спасается только верою, а не делами, потому верующему грех не вменяется в грех». «Грехи верующего – настоящие, будущие, а также прошлые прощаются, потому что покрываются или скрываются от Бога совершенной праведностью Христа». Основатель протестантизма Лютер (XVI в.) выразил это следующим образом: «По причине этой веры во Христа Бог не видит греха, который все еще остается в нас... Бог вменяет несовершенную праведность в совершенную праведность, а грех не в грех, даже хотя это действительно грех». Лютер учит о человеке как о соляном столпе, который ничего не может сделать для своего спасения и, следовательно, не должен делать. Более потрясающего «открытия» в религиозной истории человечества еще не было – спастись можно, ничего для этого не делая!

Православие, напротив, учит о человеке как о соработнике Бога в спасении. Христос сказал: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Ин. 14, 21). «От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). То есть для соединения с Богом, для спасения нужны не рассудочная вера и общепринятая нравственная жизнь, но то, что прежде всего характеризует человека как свободную личность, это его духовная активность в избрании добра перед лицом зла, решимость в исполнении заповедей Евангелия и покаяние, ибо «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21).

Бог спасает не соляной столб, а человека, и спасает только при условии его желания и его усилий в борьбе с любым злом, возникающим в душе. Необходим личный подвиг, который только делает верующего способным к принятию помощи от Христа. Преп. Симеон Новый Богослов говорит: «Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи», то есть открывает ему его грехи и необходимость помощи Божией в их искоренении. Так человек приходит к Христу и приобретает правильную, спасительную веру в Него. И тогда то, что не мог сделать человек сам, один, с Богом он, «вдвоем», уже совершает.

Таким образом, человек, восходя по трем ступеням поиска истины, приходит сначала к вере в единого Бога, затем к христианству и, наконец, к Православию. Но придти к Православию еще совсем не означает войти в него – приходящих к Православию неизмеримо больше, нежели восходящих на четвертую ступень ведения, требующую особой духовной ревности, постоянного и внимательного изучения Священного Писания и творений святых отцов-подвижников, усилий в борьбе со своими страстями, – ступень самую трудную.

Профессор Московской духовной академии Осипов А.И.

О невозможности спасения иноверцев и еретиков

Достойное горького рыдания зрелище: христиане, не знающие, в чем состоит христианство! А это зрелище почти беспрестанно встречаются ныне взоры...

Вопрос, предложенный Вами, теперь предлагается сряду. «Отчего не спастись, – пишете Вы, – язычникам, магометанам и так называемым, еретикам? Между ними есть предобрые люди. Погубить этих добрейших людей было бы противно милосердию Божию!.. Да! Это противно даже здравому разуму человеческого! – А еретики – те же христиане. Считать себя спасенными, а членов прочих верований погибшими, это – безумно, и крайне гордо!»

Постараюсь отвечать Вам в немногих по возможности словах, чтоб многословие нисколько не повредило ясности изложения.

Христиане! Вы рассуждаете о спасении, а не знаете, что такое спасение, почему человеку в нем нуждаются, наконец – не зная Христа – единственное средство нашего спасения! Вот истинное учение об этом предмете, учение Святой, Вселенской Церкви: Спасение заключается в возвращении общения с Богом. Это общение потерял весь род человеческий грехопадением праотцев. Весь род человеческий – разряд существ погибших. Погибель – удел всех людей – и добродетельных, и злодеев. Зачинаемся в беззаконии, родимся во грехе. «Сниду к сыну моему сетуя во ад», – говорит св. Патриарх Иаков о себе и святом сыне своем Иосифе целомудренном и прекрасном! Нисходили во ад по окончании земного странствования не только грешники, но и праведники Ветхого Завета. Такова сила добрых дел человеческих. Такова цена добродетелей естества нашего падшего!

Чтоб восстановить общение человека с Богом, иначе, для спасения, необходимо было искупление. Искупление рода человеческого было совершено ни Ангелом, ни Архангелом, ни каким-нибудь еще из высших, но ограниченных и сотворенных существ, – совершено было Самим беспредельным Богом. Казни – жребий рода человеческого, заменены Его казнью; недостаток заслуг человеческих заменен Его бесконечным достоинством. Все добрые дела человеческие немощные, нисходившие во ад, заменены одним могущественным добрым делом: верою в Господа нашего Иисуса Христа.

Спросили Господа иудеи: «Итак сказали Ему: что нам делать, чтобы творить дела Божии? Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал» (Ин. 6, 28–29). Одно доброе дело нужно нам для спасения: вера; но вера – дело. Верою, одною верою мы можем войти в общение с Богом при посредстве дарованных им Таинств. Напрасно, ошибочно Вы думаете и говорите, что добрые люди между язычниками и магометанами спасутся, т. е. вступят в общение с Богом!.. Нет! Таково постоянное учение истинной Церкви – и Ветхозаветной, и Новозаветной. Церковь всегда признавала, что одно средство спасения: Искупитель! Она признавала, что величайшие добродетели падшего естества нисходят во ад. Если праведники истинной Церкви, светильники, из которых светил Дух Святой, пророки и чудотворцы, веровавшие в грядущего Искупителя, но кончиною предварившие пришествие Искупителя, нисходили во ад, то как Вы хотите, чтоб язычники и магометане за то, что они кажутся Вам добренькими, непознавшие и неверовавшие в Искупителя, получили спасение, доставляемое одним, одним, повторяю Вам, средством, – верою в Искупителя? Христиане! Познайте Христа! Поймите, что Вы Его не знаете, что Вы отрицались Его, признавая спасение возможным без Него за какие-то добрые дела! Признающий возможность спасения без веры во Христа, отрицается Христа, и, может быть не ведая, впадает в тяжкий грех богохульства.

«Ибо мы признаем, – говорит св. апостол Павел, – что человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Рим. 3, 28). «Правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией,

получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе» (Рим. 3; 22–24). Вы возразите: «Св. апостол Иаков требует непременно добрых дел, он научает, что вера без дел мертва». Рассмотрите, – чего требует святой апостол Иаков. Вы увидите, что он требует... дел веры, а не добрых дел падшего естества нашего!.. Он приводит поступок патриарха Авраама, дело, из которого явилась вера праведника: это дело состояло в принесении в жертву Богу своего единородного сына – совсем недоброе дело по естеству человеческому: оно – доброе дело, как исполнение повеления Божия, как дело веры.

Всмотритесь в Новый Завет и вообще во все Священное Писание: Вы найдете, что оно требует исполнения заповедей Божиих, что это исполнение называется делами, что от этого исполнения заповедей Божиих вера в Бога делается живою, как действующая; без них она мертвая, как лишённая всякого движения.

И напротив того, Вы найдете, что добрые дела падшего естества, от чувств, от крови, от порывов и нежных ощущений сердца – воспрещены, отвергнуты! А эти-то именно добренькие дела Вам и нравятся в язычниках и магометанах! За них, хотя бы то было с отвержением Христа, Вы хотите им дать спасение.

Странно Ваше суждение о здравом разуме! С чего, по какому праву, Вы находите, признаете его в себе? Если Вы христианин, то должны иметь об этом предмете понятие христианское, а не другое какое! Евангелие научает нас, что падением мы стяжали лжеименный разум, что разум падшего естества нашего, какого бы он ни имел достоинства природного, как бы ни был изошрен ученостью мира, сохраняет достоинство, доставленное ему падением, пребывает лжеименным разумом. Нужно отвергнуть его, предаться водительству веры: при этом водительстве в свое время, по значительным подвигам в благочестии, Бог дарует верному рабу Своему разум Истины, или разум Духовный. Этот разум можно и должно признать здравым разумом: он – извещенная вера, так превосходно описанная святым апостолом Павлом в 11-й главе его Послания к Евреям. Основание духовного рассуждения – Бог. На этом твердом камени оно зиждется и потому не колеблется, не падает.

Называемый же Вами здравый разум мы, христиане, признаем разумом столько болезненным, столько омрачившимся и заблудшим, что уврачевание его иначе и не может совершиться, как отсечением всех знаний, его составляющих, мечом веры и отвержением их. Если же признать его здравым, признать на каком-то основании неизвестном, шатком, неопределенном, непрестанно изменяющемся, то он, как здравый, непременно отвергнет и Христа. Это доказано опытами.

Что ж Вам говорит Ваш здравый разум? Что признать погибель добрых людей, неверующих во Христа, противно Вашему здравому разуму! Мало того! Такая погибель добродетельных противна милосердию такого всеблагого Существа, как Бог. – Конечно, было Вам откровение свыше об этом предмете, о том, что противно и что не противно милосердию Божию? – Нет! Но здравый разум показывает это. – А! Ваш здравый разум!.. Однако ж, при Вашем здравом разуме откуда Вы взяли, что Вам возможно собственным ограниченным человеческим умом постигать – что противно и что не противно милосердию Божию? Позвольте сказать Вашу мысль, – Евангелие, иначе Христово Учение, иначе Священное Писание, еще иначе – святая Вселенская Церковь открыли нам все, что человек может знать о милосердии Божиим, превышающем всякое умствование, всякое постижение человеческое, недоступное для них. Суетно шатание ума человеческого, когда он ищет определить беспредельного Бога!.. Когда он ищет объяснить необъяснимое, подчинить своим соображениям... Кого? Бога! Такое начинание – начинание сатанинское!.. Именующийся христианином и не знающий учения Христова! Если ты из этого благодатного, небесного учения не научился непостижимости Бога, – поди в школу, прислушайся – чему учатся дети! Им объясняют преподаватели математики и теории бесконечного, что оно, как величина неопределенная, не подчиняется тем законам, которым подчинены величины определенные – числа, что резуль-

таты его могут быть совершенно противоположны результатам чисел. А ты хочешь определить законы действия милосердия Божия, говоришь: это согласно с ним, – это ему противно! – Оно согласно или несогласно с твоим здравым разумом, с твоими понятиями и ощущениями! Следует ли из того, что Бог обязан понимать и чувствовать, как ты понимаешь и чувствуешь? А этого-то и требуешь ты от Бога! Вот безрассуднейшее и вполне гордое начинание!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.